

АКАДЕМИЯ НАУК АРМЯНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ
ПАМЯТНИКИ
АРМЕНИИ

6

НАСКАЛЬНЫЕ
ИЗОБРАЖЕНИЯ

ВЫПУСК
II

А.А МАРИТОРОСЯН
А.Р.ИСРАЕЛЯН

НАСКАЛЬНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ
ГЕГАМСКИХ ГОР

ИЗДАТЕЛЬСТВО АН АРМЯНСКОЙ ССР
ЕРЕВАН 1971

ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ ԱԽԱԿԱՆ ԳՐԱԴԱՐԱՆԻ ԱԿԱԴԵՄԻԱ
ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ ՀԱՆՐԱՊԵՏՈՒԹՅԱՆ ԱԶԳԱԳՐԱԴԱՐԱՆ

ՀԱՅԱՍՏԱՆ
ՀԱՅԱՍՏԱՆ
ՀԻՇԱՐՋԱՐԵՐ

6

ՀԱՅԱՆՈՒՆԿԵՐԻ

ԴՐԱ
II

ՀԱՄԱՐԴԱՐՈՒՅՑ
Հ.Ռ.ԻՒՐԱՅԵԼՅԱՆ

ԳԵՂԱՐՔԱՆԻՐԵՐ
ՀԻՅՈՒԴԻՆԿԵՐԵՐ

ՀԱՅԱՆՈՒՆԿԵՐԻ ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ ԱԿԱԴԵՄԻԱ
ԵՐԵՎԱՆ 1971

ԽԵՐԱԳՐՈՒԹԻՒՆ կազմութիւն
Բ. Ա. ԽԱՆԻՔՅԱՆ, Ա. Գ. ՌԱԶԻԿՈՎԻՉՅԱՆ,
Կ. Կ. ՂԱՅԻՆՅԱՆ, Հ. Ա. ՄԱՐՏԻՐՈՍՅԱՆ,
Գ. Ա. ՏՐԻՎԱՆՅԱՆ

Գրայի Խերացրութիւն
Բ. Ա. ԽԱՆԻՔՅԱՆ

ԺԱՐԱՊԱՆԻԿԱՆԻ ընդունելու
Ա. Բ. ԳԵՏՐՈՅԱՆ

42

THE ARCHAEOLOGICAL MONUMENTS
AND SPECIMENS OF ARMENIA

6

H. A. MARTIROSSIAN, H. R. ISRAELIAN

THE ROCK-CARVED PICTURES
OF THE GEGHAMIAN MOUNTAINS

YEREVAN 1971

ԳՐԱԴԱՐԱՆ ԼԵՂԵՆԵՐԻ ԺԱՅԱԿԱՆԱԿՐՈՅԱՐԱՐԻ

Վերքին հարուց տարիս շիբացրու նվազ-
պայի, Ալբիկայ ու Ալբայ տարիք երկնե-
րութ, Խոյին ժամանակից անձնան այս-
պատճենը հայուսաբրձի և ուստինաբրձի ևն
տառական հայուսաբրձի ժամանակները ու
հնագույն արմանն ու հուշարձանները, որոք
ուստինան մենք ևն հայուսաբրձի հաս-
տակիցն անդամագրեական պատճեններ զբ-
իլ բոր ուր այս պատճենից, որ ուր ևն զի՞ն հայ-
նացրաց պատճեր, անսանառն ու երկրո-
ւործ Թաղացարութ, անսանեած, անցրէի
իրի ծագիկրաններ, մեզության հոյարձաննե-
րի ժամանակնու պատճեն վրա նկարած, փառ-
ցրած, հեռացած այս պատճենիք մի զայ-
իլ մաս վերաբերու է վերի պատճենիք օրին-
ականութեական փակերի և մեջին բար զա-
րի, նույ գերանոս մեծամասնութեանը ժամ-
անակից հոյարձան զայացրածին, հասաց-
ին զայացած ներիթ-բանգեարյան մշա-
կութենքն:

Քեն աշխարհի տարիք ժամանակ հայուսա-
բրձի ժամանակներին համան գրակորու-
թն ժամանակից, զայացած բնակուու մա-
կարդակից, փառացայտաբաններից թուա ուն-
կուն, ձևական, ներիթ պատճեններն, իմաստ-
առանքն համանաբաններ և բնակուայթնենն,
սական յարաբանուոր զայրու, պատճառա-
խարացրածն էին պատճենի հայուսա-
բրձի անձնագրեական առանձին բար-
ձիքն մէն, ի նույ ևն զի՞ն ներիթ զայացածն
ինքանատի պարհապայտյանները, ժամանա-
կանակ, մասաւական բազմութ երանենք
ուստինանաւագրանները, որոք զայ անձական
մշակութիւն հայուսաբրձին պատճեններն
ու զայական աշխատաթիւններն:

Անժամանոր ճեկոր ու ձի՞ն ընթացրու,
տառեկ հայուսանոր առանձին սահմանա-
պատճենի, ժայռակար պատճեններ, նշանակ-
նա սմասներ ժամանակների մէջ զի՞նի, զայինա-
թան և հայուս հայուսային հոյարձն ու զա-
յուններ, նորի ու պատճենը, կրօնին ու զա-
յագարական պատճեններներ, հայուսն
ըրբանութեն ու գրադարաններն, վերաբա-
ռապահ առապահներ ու ծրանին արարագ-
իւթենքներ արանաւանուու մշակութենքն:

Այսպիսո, հայուս արմանն այց հոյա-
նացրան անցի ժամանակացան չհերթափ-
ներն ու տօնագրեան ևն, որոց վերաման
ու ըրեթեցման հայուսային է կամաց
հոյարձանը հայուսակութան բամբակ-
կանիք սինայ ընազանակների սուսմանիք-
թան բարու:

Հայման ընաշխառութ է, իրի հի՞ն աշ-
խարհի մի անձնագրեական մաս, իրի ժամանակի-
նաւալիք հայուսաբրձին քերպանիք մէ-
կի, զայական հայուս է հայուսանուացրած
արձնակ հրայրաբանը՝ ինքանատի ու բազմա-
բանական ժամանակներուն, որու հոյան-
արքան վերաբերու հայուսանուացրած մշա-

НАСКАЛЬНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ ГЕГАМСКИХ ГОР

За последние 130 лет в Европе, Азии и Африке, даже в современных безжизненных пустынях были выявлены и исследованы десятки тысяч наскальных изображений и других памятников древнейшего искусства, дошедших до нас изысканиями почти из всех областей Старого света, где развивалась первобытная окота, где ступала нога первого прошеленного скотоводства и земледелия. Самые разнообразные группы этих наскальных изображений, выполненные краской, резьбой, техникой выдалбливания на стенах, пещерах и гротах, на горных поверхностях диких скал и больших глыбах металлических памятников, относятся к разным этапам жизни первобытного общества. Наиболее древние из них датируются оринийско-солотрецкими и другими периодами древнекаменного века, в то время как более значительная их часть относится к современному голоценовому периоду, ко времени развития археологических культур позднекаменного века и металлов.

Известные в разных областях Старого света наскальные изображения весьма часто выявляют сюжетные, семантические, иногда даже стилистические сходства и общности, явившиеся результатами либо однокакового уровня культурного развития, либо хромолитической близости, взаимопроникновения и взаимопод влияния культур. Однако обособленные в различных географических локальных ареалах большие группы изображений, как правило, выявляют самобытные закономерности внутреннего развития и присущие только им

особенности, обусловленные самой историей конкретной среды и отображавшие целые комплексы явлений материальной и духовной жизни типично местного развития. Именно в этом заключается глубокий интерес научного анализа наскальных изображений в каждом, отдельно взятом случае.

На протяжении десятков тысячелетий наскальные рисунки, знаки и символы заменили собою письмо, письменность и литературу, являясь своеобразным и единственным средством передачи чувств, чаяний, религиозных представлений первобытного человека, созданных им впервые наивно-красивых легенд и ритуальных обрядов. Таким образом, выполняя весьма ответственную роль «нероглифов» «клинописей» бесписьменного периода, эти ирпине памятники древнейшего искусства приобретают значение важного первоисточника, от удачной расшифровки которого зависят в значительной степени судьбы подлинно научного решения многих вопросов истории докласового общества.

Способно красными самобытными наскальными изображениями богато и Армянское нагорье, неотрывная часть Старого света, колыбель древнейшей человеческой культуры. Сообщения и коротенькие статьи о выявлении наскальных рисунков в Армении издавались время от времени в армянской периодической печати и археологической литературе¹ на протяжении 60–70 лет.

¹ Ниже цитируется литература на армянском языке. *Мерсон Тер-Мовесян», «Арагат», 1913, № 1, 66–69;*

Согласно цитированным выше источникам и неопубликованным данным археологической разведки, наскальные изображения Арmenии простираются на горных вершинах, в альпийских лугах, ущельях, пещерах, на отдельных камнях погребальных памятников и даже на вулканических языках Айрапатской равнины, в пространстве десятков сотен километров, образуя островки «картинных галерей» первобытного искусства. Они начинаются у подножия Арагата и покрывают многие альпийские склоны плоскогорья до Армавинского тавра, границ Сиро-Палестины и Ирака.

Особенно большие и интересные скопления наскальных изображений известны в горах, окаймляющих высокогорное альпийское озеро Севан, в Котайкском, Мартунииском, Басаргечарском, Ехегнадзорском, Сисианском и других районах Армянской ССР. Вероятно, еще большее их количество до сих пор неизвестно науке. За последние пять лет проведена значительная работа по картографированию, фотографированию, копированию и предварительному изучению больших групп наскальных изображений Сюниских и Гегамских гор, Арагатона², Вардениса и Мешадора.

² Г. А. Карапетян, «Арагат», 1914, 95; С. Г. Барзумарян, Археологические памятники Советской Армении, Ереван, 1935, стр. 33–44; Х. Савилян, Культура древней Армении, т. 1, Ереван, 1933, стр. 163 и сл.; В перводвадцати летах имеется несколько сообщений А. Калантара. Незначительная часть его материалов опубликована Л. А. Барсегяном в ст. «Новые материалы по древнему искусству Армении» («Историко-филологический журнал», № 3, 1965, стр. 147–160); Г. Карапетян, П. Софян, Наскальные изображения в Сюнике, «Советское искусство», Ереван, № 1, 1967, стр. 31–38, статьи тех же авторов в газете «Советская Абастуман», 20 ноября 1967 г. В цитированной книге проф. Х. Савиляна уже отмечено, что приоритет выявления и первой публикации наскальных изображений Армении принадлежит Штехлеру, члену ряда армянских и зарубежных исследователей конца XIX–нач. XX вв. (т. 1, стр. 343, прим. 88).

³ Маленьку группу изображений из Арагатона опубликовал в последнее время С. А. Сардарян в своей книге «Первобытное общество в Армении» (Ереван, 1967) весьма сомнительной научной репутации. Здесь же опубликована моя первая группа рисунков из Гегамских гор, найденных ранее покойным А. П. Демешяном, привнесшая первые фотографические снимки изоб-

ражений эти были скопированы в течение летних дней 1964–1965 гг. архитектором-художником С. Б. Петросяном. В 1966–1968 гг. в Гегамских горах и в других высокогорных районах Советской Армении работала солидная Президиумом АН Армянской ССР большая комплексная экспедиция по изучению пещер и наскальных изображений, которая подвергла специальному изучению целую серию значительных групп рисунков Гегамских гор, выявленных выше архитектором С. А. Петросяном по поручению и под наблюдением Института археологии и этнографии АН Арм. ССР.

Гегамский хребет, окаймляющий высокогорное озеро Севан с запада, от истоков Р. Раздан до вершины Гидасар, состоит из нескольких десятков вулканических конусов и промежуточных седловин, которые запирают кольцом горы Малого Кавказа вокруг озера. В их геологической структуре притягивают внимание альлювиально-делювиальные и проливные отложения четвертичного ледника, андезито-базальтовые и андезито-дацитовые лавовые покровы среднего и верхнего плейстоцена³, которые превратились впоследствии в чудесные «полотнища» для творчества первобытных «художников».

Во времена верхнего плейстоцена и голоцена, после исчезновения ледников, склоны этих гор покрылись богатыми альпийскими лугами и массивами высоких, гостествольных деревьев; в кратерах четвертичных вулканов образовалось множество озер, потоки

реки эти были скопированы в течение летних дней 1964–1965 гг. архитектором-художником С. Б. Петросяном. В 1966–1968 гг. в Гегамских горах и в других высокогорных районах Советской Армении работала солидная Президиумом АН Армянской ССР большая комплексная экспедиция по изучению пещер и наскальных изображений, которая подвергла специальному изучению целую серию значительных групп рисунков Гегамских гор, выявленных выше архитектором С. А. Петросяном по поручению и под наблюдением Института археологии и этнографии АН Арм. ССР.

³ Т. Х. Ахсан, Очерк по исторической географии Армении, Ереван, 1966, стр. 11–14, 41, 44, 54, 56.

десятки родников, ручьи, реки, благодаря которым сохранились не только некоторые виды животных ледниковой эры, но и возникли новые. В горных озерах хребта появились многочисленные стада водоплавающих птиц.

За богатой охотничий добачьей, к холодным родникам летних пастбищ Гегамских гор, безудержно тянулись первобытные охотники, ранние скотоводы и земледельцы. В силу благоприятных естественно-климатических условий, наличия прозрачных родников, горного воздуха, богатства неистощимой почвы, фауны и флоры, а также невероятною таинственной красоты природы, эти места превратились вскоре в могучие хозяйственные базы культуры неолита и бронзы. С течением времени появлялись здесь временные поселения — кочевья, мелкие группы погребальных памятников, колоссальные каменные статуи культовых вишапов-рыб, новые и новые группы чудесных наскальных рисунков.

На общей площади 120—130 кв. км., на высоте от 2000 до 3000 м над уровнем моря, простираются 54 группы наскальных изображений, вписываемых в общую черту Гегамских вершин Синтакасара, Пайтасара, Заираата, Назал-тана и древнего искусственного озера Вишапалич (Тохмакан-Гэл). Указанные выше серии памятников расположены на мощных склонениях базальтовых глыб вулканов, в хорошо защищенных от ветров и холода естественных вогнутостях рельефа, вблизи родников. Они представляют собою, несомненно, святилища первобытных людей, своего рода «храмы» древнего искусства, в которых идеи, мысли, представления, обряды, стремления и выражены «языком» трех-четырех тысяч человеческих и животных изображений, одиночных и групповых, простых и сложных, объединенных весьма часто в довольно сложные композиции. Несмотря на условность, геометрические формы и стилизацию, изображенные на этих камнях фигуры отличаются большой динамичностью и адекватно-обобщенной формой передачи наиболее важных признаков натуры, что является последствием не только глубокого ее знания и острой наблюдательности, но и работы сильно избитой

руки и натренированного глаза. Среди изображений Гегамских гор совершенно отсутствуют горельефные и барельефные, очень редко попадаются врезные изображения. Все они выбиты на плоской, блестящей поверхности камня, с помощью легких ударов молотков или отбойников, сделанных из более твердых пород камня. Они не отличаются особенно большими размерами и глубиной (5—10 мм). Весьма редко встречаются фигуры метровой или полуметровой длины, основные средние промеры их колеблются между 25 и 35 см длины и соответственной высоты.

Наиболее существенный, характерный чертой всех этих рисунков является особо подчеркнутое значение человеческих или антропоморфных изображений божеств, олицетворявших основные силы стихии или духов собственных предков. Они, по представлениям древних, могли бы привести в подчинение весь окружающий мир ради создания благополучной и материально обеспеченной повседневной жизни. Именно поэтому наскальные изображения поражают нас всесторонним охватом жизнедеятельности первобытных народов Армении, дают конкретное представление об основных условиях их существования. Под этими условиями подразумеваются, прежде всего, богатство, разнообразие животного и растительного мира, а затем и вытекающие из них хозяйственны занятия населения: охота, привречение, одомашнивание животных и скотоводство. Однако все это выступает в наскальных изображениях Гегамских гор не в виде головной фиксации повседневных бытовых сцен из жизни охотников и скотоводов, а в религиозно-культурном их отображении, в связи с почитанием небесных тел, духов предков, покровительствующих божеств и т. д. и т. п. В некоторых композиционных рисунках отображены, по-видимому, древнейшие мифы и легенды, которые могут быть расшифрованы на основе современного фольклорного материала.

• • •
В наскальных изображениях Гегамских гор особенно бросается в глаза колоссальное

количество разнообразнейших диких животных, как представителей четвертичных, ныне исчезнувших видов, так и вполне современных. К числу их принадлежат зубры, туры, благородные олени, лоси, косули, домашние и дикие лошади (очень поиздно), леопарды, рыси, гепарды и львы, великое множество разновидностей охотничьих собак, волки, лисицы, куницы, зайцы, другие мелкие животные (не всегда поддающиеся определению), разнообразные виды поззучих и птиц: утки, гуси, лебеди, пеликаны и другие. Часть перечисленных представителей фауны и ныне обитает в Гегамских горах, другая же давно исчезла. Ископаемые остатки несуществующих ныне животных встречаются на «кладбищах», образовавшихся десятки тысячелетий назад в результате их катаклизматической гибели, на берегу того же Севанского озера¹. Факт соответствия рисунков четвертичных животных наскальных изображениях Гегамских гор и остеологических остатков их в древнейших севанских «кладбищах» ясно показывает, что возделыватели Армении не подвергались более или менее резким климатическим изменениям (как это наблюдается в Европе)², в результате чего многие виды раннечетвертичной фауны продолжали здесь свое существование до последних тысячелетий.

Наличие диких предков современных домашних животных и диких разновидностей хлебных злаков создавало благоприятные условия для перехода к скотоводству и земледелию от охоты и собирательства на весьма ранней ступени исторического развития, как это наблюдается в некоторых районах теплой зоны Афразии. Имел богатую базу материального производства, Армянское нагорье стало одним из важных очагов формирования исторической арены Азии, наравне с Малой Азией, Закавказьем и Северной Месопотамией, с Сиро-Палестиной и Киликийей, с запад-

¹ Сведения, относящиеся к четвертичной фауне, см. С. К. Междуря. О распространении зубра в бассейне оз. Севан [Уч. зап. Ереванского госуниверситета, 1968, № 2].

² J. Meiggs. Earliest Civilisation of the Near East, London, 1965, стр. 11—17.

ным Ираном и Туркменистаном. Вся Армения в естественных своих пределах, от истоков Тигра и Евфрата до низменностей Куры и Аракса, от гор Малого Кавказа до Армянского тавра и Антитавра, была охвачена великим производственным процессом возникновения производящего хозяйства. И в указанных пределах, и в широком ареале афро-азиатских степей, в VII—V тысячелетиях до н. э. в основе образовавшегося вновь производящего хозяйства прослеживаются явные рецензии собирательства (в виде диких хлебных злаков в поселениях неолита) и довольно развитые формы охоты, отображеные в многочисленных наскальных изображениях.

Сцены охоты занимают одно из главенствующих мест и в наскальных изображениях Гегамских гор. Они интересны не только своим естественным разнообразием, динамикой, деталями и выразительностью, но иногда даже сложными композиционными построениями. Фигуры охотников представлены в них как в целом виде, с непропорционально большой головой и длинными конечностями, в чрезвычайно характерных позах и движениях, так и в ружении, с разнообразными головными уборами, обувью, в птичьих или звериных масках. Вооружение их состоит из луков, колчанов и стрел малых и больших размеров, дубинок, копий и веревок. В некоторых композициях изображены сети и другие примитивныеловушки. Особенно большим количеством выделяются одиночные или парные охотники, преследовавшие зубров, туров, оленей, безоровых козлов, в сопровождении собак или без них. Появление одиночных охотников само собою свидетельствует об усовершенствовании охотничьего оружия (луга, копья и пр.) и искусства. В некоторых рисунках охотник борется против дикого быка с помощью одного только лasso или против целого стада безоровых козлов луком и стрелой. Однако в случае необходимости, особенно при нападении на большие стада разнообразных животных и зверей, первобытные охотники Гегамских гор выступают в мелких группах, в сопровождении нескольких собак. Подобные сцены иногда превращаются в очень

сложные композиции, содержащие до 30—40—50—70 фигур. Эти изображения всегда в чем-то схожи, в чем-то сильно различаются, но никогда не повторяют друг друга. Если в некоторых композициях представлены сильно разбросанные и слабо организованные лучники с собаками (рис. 172), то в целом ряде других появляются свежие весьма остроумно устроенные загоны животных и серия хорошо обдуманных, взаимосвязанных охотничьих удоек (рис. 167, 169, 171, 173, 177, 178, 180, 182—184). В подобных «картинах» весьма часто изображения окаменевших от страха, панически удаирающих, раненых и убитых животных, или же таких, которые готовы к яростному сопротивлению. В одной из наиболее интересных охотничих сцен представлены стада стремительно бегущих оленей и козлов, которые внезапно оказались в окружении расположенных засыпями полукругом лучников, с настянутыми тетивами и несколькими собаками, нападающими спереди. Все фигуры этого построения представлены в активных, характерных движениях, в момент незамедлительного действия (рис. 178). Одни из лучников этой группы изображен с распахнутыми руками, растопыренными пальцами, и в этой своей манере напоминает скорее духа-покровителя охотников.

В другой композиции охотник расположен в центре смешанного стада безоровых козлов, быков и оленей, направляемых слева направо. Свою острую стрелу он направил на самку, бегущую вместе с оленем и олененком.

Многие из охотничих сцен Гегамских гор выполнены с большим эстетическим вкусом и чувством красоты. Великолепно, например, оленье стадо, следующее под густым красивым «лесом» собственных пышных рогов. В этой гуще «леса» еле заметен охотник со своей собакой, луком и стрелой (рис. 180). В Гегамских горах имеются также очень поздние изображения охотников, стоящих на конях и представленных в момент стрельбы или парадирования из животного (рис. 185). Эти изображения настолько типичны, характерны и конкретны для охотничьего искусства и быта, что с первого взгляда могли бы произ-

вести впечатление реального отображения конкретного повествования об охоте. Однако повсеместно встречающиеся в этих сценах геометрические символы небесных тел, фигуры фантастических животных, мужчин и женщин, разнообразнейшие пиктографические знаки окончательно убеждают нас в первельном, магически-религиозном характере этих изображений. Выбивая на скалах эти изображения, первобытный охотник с помощью возвратной магии стремился достичь действительного, звала духом близайших и отдаленных предков, которые, по древним верованиям, обитали в небесах и восхвалялись в воспоминаниях и легендах как бесстрашные охотники и умелые скотоводы. Первобытный охотник обращался и к духам-покровителям и божествам, олицетворявшим могущие силы природы. Именно с подобными представлениями были связаны ритуальные танцы и обряды, которые хоть в малом количестве, но весьма определено и ярко представлены в наскальных изображениях Гегамских гор (рис. 273, 276), имея свои весьма близкие параллели в этнографии некоторых племен Азии, Африки и Сибири. Охотничье племя лантов и сегодня продолжает выводить на скалах подобные рисунки перед тем как выйти на охоту. Говорят, что изображения эти делают лишь мати-чудотворцы, при участии некоторых изображенных членов тайных обществ. Эти первобытные жители Померании совершают определенные обряды в наскальных изображениях, они почитают даже древние, доисторические (не свои) петроглифы дарами и жертвами. Для удачной охоты на своем оружии они вырисовывают тех животных, которых хотят убить¹. Эти рисунки напоминают вытравленных зверей на кобанских топорах эпохи поздней бронзы. Независимо от своего религиозно-магического характера, все изображения, связанные с охотничими сценами, указывают на чрезвычайно важную роль охоты на протяжении длительного пути развития первобытной культуры Армении.

¹ J. Maringer, *The Gods of prehistoric man*, London, 1930, стр. 137—138.

Эта ее роль подтверждается и остеологическим материалом, добывшим раскопками поселений Арагатской равнины V—I тысячелетий до н. э. Среди этих материалов охотничьей добывшей являются именно kostные остатки благородных оленей (*Cervus elaphus*), лосей, зубров, косули (*Capreolus capreolus*), диких козлов (*Capra aegagrus*), джейланов (*Gazella subgutturosa*), кунца (*Martes foina*), леопардов (*Felis pardus*), кабанов (*Sus scrofa*), лисиц (*Vulpes vulpes*), лебедей, уток, гусей, пеликанов¹ и т. д., которые вполне соответствуют животным, изображенным на скалах Гегамских гор. На этом основании можно предположить, что именно охотники и рапин скотоводы Айрапетской долины занимали чудесные пастбища Гегамских гор, отгоняя свою стада вслед за расташившим ситетом и выступающей сончей зеленью. Здесь они занимались охотой и скотоводством одновременно, поскольку эти занятия связывались неразрывно. Этот естественный процесс длился тысячелетиями, так как местные племена Айрапетской равнины, привыкшие к своим сырьевым постройкам и незначительным земельным участкам на плодородных берегах рек и примитивных канав, по сути никогда не покидали плодородную равнину, если не учитьывать периодические незначительные переселения поселений в пределах той же изысканности в связи с высаживанием и изменением русел рек, ручьев и арыков. Таким образом, создавались возможности бесперебойно высокого развития скотоводства и земледелия, сохранения, более полного оформления и процветания религиозно-культурных традиций и связанных с ними наскальных изображений. Лишь по этой причине, увеличиваясь количественно и распространяясь все шире и шире, наскальные изображения Гегамских гор являются все новые и новые черты и особенности.

Едва ли не самым главным из них является часть подчеркиваемое стремление первобытных охотников сохранять богатство животного мира, щадить детенышей, отделить некото-

¹ С. К. Межжурин, *Маккензийские зоны бронзы на территории Армении* (автореферат), Ереван, 1963.

* * *

В первобытных святилищах Гегамских гор, наряду с охотничими сценами, часто встречаются такие изображения вольных стад различных животных, вместе с астральными знаками, как бы подчеркивавшими небесное их происхождение (рис. 64, 182, 208, 216, 239, 300, 301). В группах подобных рисунков выступают целые семейства животных, состоящие из пропорционального количества самок, самцов и детенышей (рис. 183), следовавших на водопой, в однорядном, скученном построении (рис. 38, 60, 189, 213, 239) или привольно наспущенных в смешанных стадах различных домашних животных, образуя как бы общную собственность наших отдаленных предков. Последовательная и цельная гамма чудесных изображений ведет нас по сложным, терпеливым и опасным путям становления и развития скотоводства. Наряду с укротителями диких быков, орудовавшими дубинами, ветвями, сетями, капканами, устраивавшими загоны, покоряющими зверей голыми руками или с помощью заклинаний, выступают также привязанные (рис. 166, 176, 179, 225 и т. д.),

стреможенные козлы (рис. 207, 208) и даже целие их семейства со стреможенным вожаком впереди (рис. 54, 283). Подобные изображения чрезвычайно характерны для искусства греко-котловидских общин Армении, Закавказья и Азии. Сходством сюжетов, геометрических очертаний и даже стилей поражают, например, средиземноморские изображения Курдских гор¹, Чадакса², Сылдары³. В целой группе других изображений (рис. 208, 209) рядом с животными (привязанными, стреможенными или волынами) появляются мальчишки и собаки, охраняющие или сопровождающие иногда даже мелкие стада. Дети, тяжелая обуза для охотников каменного века, постепенно превращаются в рабочие руки. Нарядив со взрослыми весьма часто они ташат животных за веревку, за хвост или бороду (166, 176, 179, 225). Все эти «поповеденные дела» не обходились без «впечатлительства и помощи небесных сил, божеств, духов, душ предков, изображаемых в виде геометрических и пиктографических знаков, в виде антропоморфных и фантастических существ.

В одном из больших композиционных рисунков, выведенном на колоссальной глыбе, направленные слева направо динамично красные фигуры беззаровых козлов изображены в окружении собак, самых различных небесных символов и пиктографических знаков (рис. 234). В центре композиции расположено антропоморфное существо, в позе заложинания, с солнечным символом слева. Очевидно, это беззимяное, безадресное для нас существо не является однако простым смертным. Это небесный, божественный пастирь, дух-хранитель животных или же просто-напросто почтаемый образ предка-скотовода. Что подобные композиции имеют чисто религиозный, культово-

магический характер, ясно видно из следующего изображения (рис. 235). Здесь также представлены различные символы, фигуры животных и антропоморфные существа в позе заложинания, но, помимо всего этого, изображен также могучий небесный бык, с изливающимися из рта струями живительной воды. Подобные рельефные изображения покрывают известные в Армении каменные стелы вишапов, которые могут быть интерпретированы в качестве культовых памятников, воплощающих силу стихии и начало плодородия, в связи с народным пониманием этого слова. Явление пишана воспринималось в древности как гроза, гром и молния и отображалось в облике бычка, колоссальных рыб, змей и других животных, связанных непременно с идеей плодородия.

* * *

Довольно значительная серия наскальных изображений Гегамских гор связана с культом плодородия непосредственно и отображает различные детали его проявления (рис. 200, 255, 267): детеныши, сосущих матку (рис. 257—259), самок со своими «младенцами», самок и самцов в позе скопуляции (рис. 253) и пр. и пр. Акт скопуляции зачастую представляется в естественно-натуралистической манере, в окружении людей, разнообразных животных, астральных и пиктографических знаков, которые как бы подчеркивают важность обстоятельства (рис. 253). В иных случаях магический акт скопуляции животных представляется в присутствии, «под наблюдением и покровительством», антропоморфных женских и мужских фаллических фигур, божеств плодородия, которые сами выступают нередко в аллегорической позе осенения земли (рис. 250). Возможно, что в данном случае мы имеем дело с солнечными божествами, так как в других композициях именно они изображены с разнополыми парами животных (рис. 253, 317, 318, 321). В некоторых случаях в центре композиции с разнополыми животными изображены крупные фигуры мужчин и женщин, с гиперболи-

чески подчеркнутыми грудями (рис. 250—251). Следует иметь в виду, что в религии Древнего Востока, тем более в первобытную эпоху, всеобъемлющий культ плодородия универсально смыкал систему религиозно-культуровых представлений и верований, поскольку в конечном счете все сводилось к основной идее оплодотворения, возобновления, благополучия, расцветания всей живой природы, к идее продолжения рода человеческого. Поэтому ритуальные обряды и действия, посвященные культу плодородия и в древней Армении, не ограничивались пределами летних месяцев, горными святынями альпийских лугов. Они повторялись, по-видимому, периодически и поздней осенью, в ранней весне, в связи с окончанием или началом сельскохозяйственного года в святынях постоянных местожительств или в священных углах сырьевых хижин. В одном из неолитических поселений Конийской равнины открыто несколько святынь подобного рода, относящихся к VII—VI тысячелетиям до н. э. Чудесные настенные росписи из с женскими фигурами, рельефные крупные головы быков и прочие подробности хорошо увязываются именно с культом плодородия⁴. Остатки подобных святынь III—I тысячелетий до н. э. открыты и в Армении⁵. Они отличаются особым набором культовых «абстрактно-модернистских» статуэток женщин, бычьих голов, домашних животных, глиняных моделей повозок и пр. и пр.

С большими старанием, искусством и любовью изготавливая подобные статуэтки, равные земледельцы и скотоводы Армении, вероятно, усматривали в них магическую силу сохранения и увеличивания поголовья скота. Точно так же во время новогодних празднеств армянские крестьяне изготавливали «чудесные зооморфные блинчи и отдавали им на стулья»⁶ не домашним животным, стараясь подогреть

действием уберечь скот от дурного глаза, всевозможных заболеваний и падежа⁷.

В эпоху поздней бронзы и раннего железа, в конце второго и в начале I тысячелетия до н. э., вместе с бронзовыми статуэтками быков, коров, лошадей, свиней и других животных отливали также статуэтки голых женщин с рогом изобилия в руке⁸. Забота сохранения животных далеко не исчирпалась культово-магическими обрядами и пронизывала более в практической деятельности разных наследников Армении. Во многих наскальных изображениях Гегамских гор представлена мальчишки, взрослые и собаки, стерегущие животных или мелкие стада (рис. 210, 219, 271). Стадо из 24 беззаровых козлов изображено в большой композиции, занимющей 4 кв. м площади (рис. 283). Перед стадом стоит стреможенный хозяй-вожак, а за ним пастух с собакой, который характерным движением рук как бы собирает стадо. Над стреможенным козлом изображено полуулуне, а над другими—разные пиктографические знаки. Эта композиция целиком и полностью пронизана стремлением разделения, размножения и выращивания стад сельскохозяйственных животных.

Таким образом, несмотря на свой религиозно-культурный характер, описанные выше наскальные изображения раскрывают перед нами материальные возможности, пути, условия и средства становления производящего хозяйства. Постепенное освоение альпийских лугов в последнее время создало практически неисчерпаемые возможности не только для охоты и становления скотоводства, но и для весьма раннего оформления полу涓чевой формы скотоводства и производных скотоводческих занятий, развитие которых вело к накоплению прибавочного продукта и расширению международного обмена. Не случай-

¹ «Звание—слово», 1968, № 1, стр. 22—23.

² Г. В. Шаркий. Охота и доместикация животных по наскальным изображениям Чадакса. История материальной культуры Узбекистана. Т. Таинство, 1961, а также H. Field, Russian Translation of the peabody of archaeology and ethnology, Harvard University, vol. III, № 1.

³ Там же, стр. 149—154, рис. 24—25.

⁴ «Anatolian Studies», vol XII—XIV, Ankara, 1962—1964, стр. 41—110, 43—103, 39—120.

⁵ А. А. Мартirosyan. Западное тысячелетие откладывается, «Гарյ», Ереван, 1967, № 6, стр. 47 = сас.

⁶ Ա. Ա. Մարտիրոսյան, Քաղաքական առարկը Հայոց պետք ժամանակագրութեան, Ան Տէքնոլոգի, № 2, 1965, էջ 81—87.

⁷ См. коллекцию статуэток из Ноемберiana, Стефанянциде и Калетти, а также А. А. Мартirosyan, Армения в эпоху бронзы и падеша, Ереван, 1964, стр. 275.

но, в VI—IV тысячелетиях до н. э. террито-рия всего Армянского нагорья, в том числе смежные районы восточной Грузии и Западного Азербайджана, покрылись довольно густой сетью раннескотоводческо-земедель-ческих поселений, в культурных слоях которых археологи находят костные остатки домашних животных, похожих на своих диких предков, и продукты костерезного, кожевен-ного, ткацкого, горчакового, деревообделочного, металлургического и других ремесел, раз-вившихся на базе скотоводства. Развитие этой единой по внешнему облику, широко раз-вленной материальной культуры ведет к окон-чательной этнической консолидации и выкристаллизовыванию хуррито-изычных племен Армении, к их ускоренному социальному прогрессу. Именно этими обстоятельствами объясняется также столь глубокое развитие перво-бытийного искусства, столь широкое, повсеместное распространение наскальных изображе-ний, их колоссальный хронологический охват и значительные общности. От Арагата до Сю-нийских гор, общей протяженностью около 180—200 км по прямой, можно увидеть нас-кальные изображения со сценами охоты, при-ручения и одомашнивания животных, если не совсем идентичных, то по крайней мере пе-сима схожих, свидетельствующих о глубоких хо-зяйственных сдвигах в масштабах всего Ар-мянского нагорья.

* * *

Значительный прогресс общественной жизни, обусловленный определением установленной базой материального производства и консолидацией крупных этнических единиц, ускоряет, в свою очередь, процесс оформления первобытных культов и верований в глубоко самобытную систему идеологических представлений. Повседневные, исключительно практические нужды и заботы превращают раннего скотовода-пастуха и землемедельца в первого «изычника» звездного неба, климатических изменений, приливов—отливов рек и многих других явлений стихии. Все это полу-
застически ярких, первозданных мифах и ле-
генд, загадках и сказаниях. Поэтому не случайно многие из наскальных изображений Гегамских гор и других мест непосредственно связаны с звездами, солнцем, луной и други-ми силами стихии, с олицетворениями из древних мифов и легендами, значительная часть которых сохранилась в современном армянском фольклоре, пробиваясь через лаби-рины куррито-армянских этических пластов.

В наскальных изображениях Гегамских гор чрезвычайно большим числом представле-ны геометрические символы солнца, луны, небесных тел и молнии, сделанных в виде вин-санных дуг в друга концентрических и лу-чистых кругов, колеса, лепестковых больших цветов, полумуника, крестов, свастик, волнистых линий (змей) и пр. и т. д. (рис. 294, 295, 299, 303, 305). Нередко встречаются и целые комплексы подобных знаков, которые, вер-оятно, являются схематическими обозначе-ниями известных в то время созвездий. Аст-ральные представления первобытного времени были весьма живучи и в раннесклавенской армянской среде. Еще в V веке н. э., крупней-шему представителю армянской теогенетической мысли Езизу Кохбаци приходилось вести жесточенную борьбу против всякого рода сресей отшельников, почитающих солнце и описывающих его в виде лучистого (многочи-стного) колеса. Могучей силой солнечного божества обясняли солнцепоклонники жизне-деятельность всех живых существ, поскольку, по их словам, все они были зависимы от при-роды солнца, как лучи (спицы) от колеса¹. Изображения солнечных дисков в наскальных рисунках Гегамских гор и других памятниках первобытного искусства довольно часто иллюстрируют приведенное выше описание. С другой стороны, само понятие солнечного диска-колеса легко ассоциировалось в дре-весности с понятием повозки, телеги, колесницы и упряженных животных. Все эти понятия се-мантически равносильны и логически продол-

жают выполнение одной и той же функции. Поэтому не удивительно, что в изображениях Гегамских гор имеется также запрятанная парой могучих быков (рис. 159), четырехко-лесная повозка, с беззорными колесами, кото-рые в данном случае выступают в качестве небесных светил. Особенно большое количе-ство подобных повозок встречается в аналогич-ных изображениях Сюнийских гор² в Армении, в европейских и африканских первобытных фресках, на керамических и бронзовых предметах прикладного искусства. В археологических материалах III тысячелетия до н. э. в Арме-нии, Грузии и Азербайджане выделяются глиняные модели всесвященных повозок с об-разом птицы. Одна из наскальных композиций Гегамских гор, представляющая собою целую звездную ассоциацию (рис. 290), в центральной своей части имеет изображение очень большого лучистого диска солнца и си-дящей на нем краиной птицы с направленным к «гигиеничному» шару клювом. Этот мотив, очень часто повторяющийся в искусстве поздней бронзы³, имеет свою точную парал-лель в следующей армянской загадке: «Пролетела птица по небосводу, с золотым «лака-ном» по рту». «Золотой лакав» интерпретируется здесь как блестящий солнечный диск⁴. В другой народной загадке, дополняющей вы-шеприведенную, солнце, луна, небесные свети-ла рассматриваются в качестве двух наездов со своими птенцами⁵. Следует добавить здесь, что в наскальных изображениях Гегамских гор также весьма не редко встречаются рисунки водоплавающих птиц вместе с астральными знаками, а на крашенной керамике II тысяче-летия до н. э. аналогичные птицы повсемес-ти выступают наряду с крупными солнечными дисками⁶.

В наскальных изображениях Гегамских гор и вообще в памятниках древнего искусства всей Армении, понятия небосвода, солнца, луны, небесных тел, неразрывно связанны с об-разом птицы. Одна из наскальных композиций Гегамских гор, представляющая собою целую звездную ассоциацию (рис. 290), в центральной своей части имеет изображение очень большого лучистого диска солнца и си-дящей на нем краиной птицы с направленным к «гигиеничному» шару клювом. Этот мотив, очень часто повторяющийся в искусстве поздней бронзы³, имеет свою точную парал-лель в следующей армянской загадке: «Пролетела птица по небосводу, с золотым «лака-ном» по рту». «Золотой лакав» интерпретируется здесь как блестящий солнечный диск⁴. В другой народной загадке, дополняющей вы-шеприведенную, солнце, луна, небесные свети-ла рассматриваются в качестве двух наездов со своими птенцами⁵. Следует добавить здесь, что в наскальных изображениях Гегамских гор также весьма не редко встречаются рисунки водоплавающих птиц вместе с астральными знаками, а на крашенной керамике II тысяче-летия до н. э. аналогичные птицы повсемес-ти выступают наряду с крупными солнечными дисками⁶.

¹ Г. Карапетян, Л. Сарьян, ук. соч. (на арм. яз.).
² В. Б. Погорелый, Археология Закавказья, Л., 1949, стр. 35.

³ А. Р. Исаелян, Следы культа солнца в Армении в эпоху бронзы, «Тицер», 1967, № 4, стр. 79—80.
⁴ В. Б. Погорелый, История и культура Урарту, Ереван, 1944, рис. 90.

⁵ Там же, рис. 92.

⁶ А. А. Фарзалиев, Памятники первобытного искусства, М., 1967.
⁷ Вагара Геворгյан, Ըստ ձեռքբարիքի հակեմաց ձեր, Երևան, 1965, էջ 7.

⁸ Հ. Բ. Պողոսյան, Տէք. աշխ. աշխ., էջ 83.
⁹ Հ. Արդյունակ, Արվետ, 1970, էջ 27.

¹⁰ Վ. Բ. Պողոսյան, Արվետ, 1970, էջ 10.
¹¹ Ա. Բ. Իսայան, Արվետ, 1970, էջ 29.

¹ Եթիվ Գուգարքի Կարբառ, Եթ աշխարհ, Բիթ- պատ, 1914, էջ 142.

В памятниках искусства Гегамских сиятий особенно важное место занимают также рисунки, отображающие явление грома-молнии и других стихийных сил. В подобных сценах очень часто фигуры малых или больших беззоровых козлов, между рогами и корюсом которых выведены кресты, свастики, мелкие человеческие фигурки (рис. 298, 299, 300, 302, 303, 305, 318, 328, 330, 331 и т. д.). Изд корюсом некоторых козлиных рисунков полуокругом расположены как бы излучающиеся от них углубленные кружочки или пламеневидные черточки-штрихи. Эти изображения, как будто преднамеренно сделаны нашими отдаленными предками для иллюстрирования армянской народной загадки «Сам козел, спина искра», что непосредственно обозначает явление грома-молнии.

Изображениями животных наши предки не только обозначали солнце, луну, отдельные светила или явления природы, но и весь небосвод в космическом его смысле. Выше уже отмечалось, что многие животные изображения на скальных композициях Гегамских гор сопутствуют их эквивалентам в виде геометрических астральных символов. Это обстоятельство является неоспоримым доказательством не только «небесного происхождения» животных, но и того, что они в данном случае выступают как светила-звезды или целые созвездия. Так воспринимали небосвод и древние армяне. В одной из народных загадок, блестящие выражавшей образ мышления раннисоветской поры, звезды, солнце и луна представлены в виде стада овец и пастуха-курда в остроконечной шапке, который со своей небесной высоты день и ночь смотрит на землю. Очевидно, пастух здесь аллегорически представляет солнце и луну, а овцы — светила³. В другой загадке звездный небосвод изображен в качестве круглого сита, наполненного астральными различными животных⁴.

Как в армянские загадки, так и в скальных изображениях вместе с небесными те-

леми-светилами очень часто выступают божества солнца, луны, грома-молнии, охоты в виде крупных антропоморфных фигур, придающих особое значение и без того сложным, интересным композициям. Эти фигуры изображены в стоячей или полусидячей позе, с распластанными руками и сильно расстопорщенным пальцами, напоминающими лучи солнца (рис. 307, 308, 316—319) или длинные лепестки растения. Лучами покрыта иногда не только голова (рис. 311), но и грудь и другие части тела (рис. 310). Фигуры часто изображаются в интересных головных уборах в виде полуулана. Многие из этих фигур (рис. № 310, 312, 317, 321) выгравированы вместе с козлами и представляют собою, очевидно, воплощение молнии и грома или огненного зарева. Почти совершенно аналогичные другие фигуры, также находящиеся среди животных (рис. 319), сопровождаются геометрическими символами солнца и луны, обозначая именно эти божества. Подобное «существование» солнца и луны в настальных изображениях имеет свои, весьма четкие сопоставления и в богатом фольклорном материале Армении, где солнце и луна представляются в образе брата и сестры, заменяющих друг друга в дневном круговороте. Некоторые из этих образов выsehenы в магическом действии оплодотворения земли, с сильно подчеркнутыми фаллами, в сложных композициях наиболее древней хронологической группы. В одной из них (рис. 318) сцена оплодотворения представлена при участии леопарда, козлов, оленей, разнообразных астральных знаков. По-видимому, здесь фигура фаллического солнечного божества выступает в качестве покровителя земледелия и скотоводства, каковые в изображениях европейского неолита или в образах армянской мифологии представляются с серпом или с косой в руках⁵.

В другой композиции, очень близкой по смысловому своему значению, изображены представители четвертичной фауны: разнополые зубры, гигантские или благородные олени, беззоровые козлы, пресмыкающиеся и дру-

гие животные в сопровождении пиктографических и геометрических знаков. Солнечное божество с распласттыми «лучистыми» руками занимает нижний левый угол «полотна», в сцене преследования хищника дубникой, колысем или луком. Под ним помещено изображение солнечного диска (рис. 324).

Композиции с участием солнечных божеств создавались, по-видимому, на протяжении всей первобытной истории, поскольку они занимали важное место в духовной жизни общества. В этой связи чрезвычайно интересны культовые изображения дvinских больших судов IX—VIII вв. до н. э., которые выполнены резьбой и налепами, но семантически очень близки к вышеупомянутым, гораздо более древним настальным рисункам⁶. Изображения эти расположены в отдельных узких, или широких, горизонтальных поясах в следующем порядке: из венчиков сосуда резьбой техникой выведены гирлянды кружков и большие солнечные рисунки с крестообразной сердцевиной, которые оставляют впечатление звездного неба. Под ним, в отдельной, очень широкой полосе, между крупными солнечными изображениями расположены налепные фигуры козлов, оленей и других животных-светил, с астральными или лунными символами вместо глаз и длинноватыми лучебразовыми когтями. В этой среде астральных и зооморфных фигур центральное место занимают антропоморфные, солнечные божества, наделенные «лучистой» головой, распласттыми руками, расстопорщенными пальцами, с дубиной или колысем, в значении покровителя животных. Здесь присутствуют также фигуры фантастических вишапов с рыбьим торсом, змеиной головой, лучистым окончанием ног и крыльев. Олицетворяя собою идею грома-молнии и сопутствующему солнечному божеству, эти фантастические существа, вероятно, также связывались с культом плодородия в качестве представителей небесной воды и других могучих сил стихии. В остальных поясах опи-

¹ С. А. Арутюнян, ук. соч., стр. 11, 20.
² С. Арутюнян, ук. соч., стр. 100.
³ Там же, стр. 10.

⁴ J. Maringer, ук. соч., стр. 172, рис. 54.

сыаемого сосуда те же самые астральные знаки изображены в сочетании с остроконечными шашечками и фигурами длинных извилистящихся змей. Орнаментальные мотивы дvinских культовых сосудов символизируют, таким образом, могущие силы небесного горизонта, связанные с культом плодородия (солнце, гром и молния, звезды, небесный океан). Те же божества солнца, грома-молнии, стихии выступают в своих дourартских формах и почтятся в дvinских хронологических рамках, в урартской глиптике, на так называемых «ассирийских» печатях, в несколько иных сочетаниях. Интересно, например, изображение фаллического солнечного божества с «лучистыми конечностями», вместе с деревом жизни и крылатым конем-пегасом⁷. Здесь, несомненно, подчеркнута земледельческая функция божества. На двух сторонах другой урартской печати представлена аналогичная фигура стоящего бога-громовика и такая же коленопреклоненная фигура солнечного божества под ассириским крылатым диском ашшура-солница⁸. Эти глиптические изображения⁹, «казывают» не только на то, что в урартске... религии божества стихий мыслились и изображались в общей взаимосвязи, как в настальных рисунках, но и на то, что они носили традиционные формы древних петроглифов, несмотря на значительные собственно урартские или ассирийские интонации. Разница, по сути, заключается в том, что «пешее» боги-громовики древних петроглифов в урартских изображениях выступают на спине быка и носят малазийское название бога Тенуба, равно как солнечное божество получает мусасирское имя Ардин или собственно бианское имя Халди.

Семантические и формальные связи настальных изображений Армении вполне раскрываются и в ряде других сопоставлений. На целом ряде урартских цилиндрических и гирейвидных печатей выступают преследующие вишапов, оленей, козлов, свиней и фантастических существ охотники или герои в масках, во-

⁵ Б. Б. Пшогрекий, Դեկտարք Հրամագիր Խաչառու և Ձքարքիր Հրամագիր Եղիշե Արքայի հայության մասին, Երևան, 1953, рис. 42 и 43.

⁶ Его же, Кермер-блэр, I, Ереван, 1948, рис. 76.

оруженными луком и стрелами¹. Они прочно увязываются с петроглифами Гегамских гор и других районов Армении не только в сюжетно-семантическом отношении, но и множеством совершенно идентичных геометрических, пиктографических и идографических знаков.

Детальным анализом и сравнительным изучением можно доказать, что урартская глиптика и лежащие в ее основе религиозные представления прямо и косвенно опиралась на древний местный субстрат, в то время как наличные в ней элементы, привнесенные ассирийским влиянием, подчас носят чисто внешний, формальный преходящий характер. Важные параллели настальных изображений в памятниках искусства эпохи бронзы и Урарту указывают с очевидностью на единственный характер земледельческо-скотоводческой идеологии, обусловленной эволюционным развитием общества и сохранением тысячелетней традиции.

Удивительно живучие и совершенно аналогичные изображения божеств стихии встречаются повсеместно в разновременных памятниках Месопотамии и Ирана, Азербайджана, Средней Азии и Сибири, Европы и Африки, даже в современном изобразительном искусстве африканцев и на гончарных изделиях армян.

Иследуя аналогичные изображения солнечных божеств и громовержцев в петроглифахiberийского (Испания) неолита и шелковой бронзы, немецкий археолог И. Марингер отмечает, что обнаруженные в пещере Лос-Легерес-Аль-Марин фигура солнечного божества, наделенная огромным фаллом и держащая в руке серу, была представлена в своей функции урожая и плодородия². В других случаях подобные фигуры представлены с боевыми топорами, которые как на Востоке, так и на Западе являются символами божеств грома-молнии и стихии. В качестве геометрических символов этих божеств в петроглифах Европы выступают концентрические кружки, спирали,

¹ Б. Б. Петровский, Каирин-блэр, I, рис. 50—74 и др.

² I. Maringer, ук. соч., стр. 171—173, рис. 52.

кружки с крестообразной сердцевиной, как это наблюдается и в наскальных изображениях Армении. Допустимо ли здесь предположение о том, что описанные выше изображения принесены были в Европу кочевниками Азии или Африки и нашли там широкое распространение в условиях позднего развития скотоводства и земледелия? Служат ли для этого основанием отсутствие дикых предков многих современных животных, культурных зверей на территории Европы в последней ковую эру или весьма ранее развитие скотоводства, земледелия и связанных с ними общественно-экономических институтов на Востоке?

• • •

В наскальных изображениях Гегамских гор целой серией представлены рисунки всевозможных двуглавых змей, гидрий, пишапов, коэз-змей, фантастических хищников, сверхъестественных существ и борющихся с ними героями, связанных с древними космическими представлениями, легендами и мифами, которые являются не совсем отделимыми предками-прообразами армянских. Для петроглифов Сюника, Арагата и Вардениса, например, очень характерны сцены борьбы героев или богов со змеями и пишапами, сцены, которые напоминают раннеармянские мифы о змееборцах Артавазде, Ваагне, аналогичное греческое сказание об Аиране и яркие изображения кобанских топоров. Целый ряд других композиций посвящен «тематике» борьбы между богом солнца и громовержцем. В этой связи чрезвычайно интересно одно из наскальных изображений Вардениса, занимающее в квадратной площади и выполненное глубоко врезной техникой³. Центр этой композиции занимает очень крупные, чудесные солнечные диски из концентрических линий, спиралей и лепестков, а также несколько других астральных рисунков. Выше расположены еще две группы подобных изображений. Однако из них

³ Группа петроглифов Вардениса была обнаружена археологом-художником С. Б. Петровским, работавшим в составе экспедиции Института археологии АН Армянской ССР.

состоит из трех крестообразных фигур, пяктографического знака и солнечного диска с крестообразной сердцевиной. Другая сочетает более сложную систему изображений. Это овалы, заполненные полусферическими углублениями, отдельные выбитые горизонтальные ряды таких же углублений, кресты и полулуния. Очевидно, в трех вышеописанных группах представлены определенные семейства звезд, совершенно идентичные и равносильные. Под этими созвездиями располагается чудесная композиция, явившаяся как бы мифологическим раскрытием изображенных выше символовических рисунков. В этой композиции антропоморфные божества стихии выступают в характерных своих атрибутах. Бог солнца представлен здесь с распластанными руками, с солнечным диском, полулунием и рядом стоящим конем. Напротив изображены боги-громовержцы, с колossalными молни-змеями в поднятых руках. Все остальное пространство композиции заполнено извивающимися фигурами змей-молний, отображающими как бы беспокойный, грозный небесвод в момент ожесточенной, божественной схватки. Элементы этой темы, чайной и общей для всего Востока, сохранились и в армянской мифологии, в образах и функциональных особенностях солнечных божеств Вааги и Михра, сасунских героев-богатырей Санасара, Багдасара, Мгера и Давида. Некоторые из них наделены могучими силами грома-молнии (Санасар, Багдасар), другие являются драконоборцами или лицами змей (Вааги, Мгер), иные изразечно связаны с солнцем и морской стихией чудесным, мудрым конем Куркик-Джалали и Туrom Авлуни (меч-молния). Едва ли не наиболее интересным из них является образ бога Михра, изображающегося в луночном головном уборе и с извивающимися змейами-молниями в руках, равно как фигуры наших наскальных рисунков.

Многие из перечисленных выше образов армянской мифологии являются божествами, полубожественными-получеловеческими существами, в то же самое время светилами (Михр, Вааги, Айо и др.), предками древнеармянских родовых общин. Поэтому не исключена

возможность, что многие из фигур гегамских изображений, сопутствующие солнечными или астральными знаками, являются образами предков гегамских охотников, равно как родонаучальник армии богатырь Айк, представляемый одновременно в качестве бесстрашного охотника-предка, могучего лучника, среди разнообразных животных⁴, в качестве патриарха-родонаучальника, со своими сыновьями, винокурами и правнуками⁵, как красавица яркая звезда Орион, со своим созвездием⁶.

Вряд ли можно сомневаться в том, чтобы потомки палеолитических охотников Армении не сохранили бы древних традиций или богатую палитру легенд и воспоминаний о деяниях своих бесстрашных предков-охотников, удалившихся в свой далёкий, своеобразный мир и превратившихся в могучих духов-хранителей для живущих их сородичей⁷. Логически вполне понятно, что не божественные, сведенные к нескользким простым линиям человеческие изображения охотничих или мифических сцен наскальных изображений Гегамских гор (рис. 203, 204, 206, 224, 227, 229, 231, 232, 238, 340—342) должны представлять самих предков, покойников или душ их в ассоциации звезды го неба, поскольку согласно древним верованиям многих народов, и в частности армян, своеобразным обиталищем предков являлся небесный мир, где они превращались в созвездия и через свое звездное существование оказывали чудодейственное влияние на судьбы каждого своего сородича⁸.

Таким образом, вполне допустимо, что описанное выше наскальное изображение Вардениса, ассоциирующее антропоморфные фигуры и определенные системы созвездий, может иметь весьма конкретное отношение к почитанию обожествленных предков. Помимо наскальные изображения в Армении

¹ Р. կ. Կամբյազ, 1929 Հայկական քիոսք, Տեղապահ, № 8(12), Երևան, 1941, էջ 29—36.

² Պատմ. Խաչենաց, Վահագովի Հայոց, Եփփա, 1881, 94, դիմ. մի.

³ Ե. Վրաբել, Եփփ, Հայոց, Երևան, 1966, էջ 65.

⁴ I. Maringer, ук. соч., стр. 130.

⁵ Ա. Իրազյան, կը. աշխ., էջ 128.

составляют весьма солидную группу и достойны самого пристального внимания. Рассмотрим теперь некоторые из этих композиций. Среди изображений Гетамиских гор под именем 297 обозначена очень простая композиция, состоящая из двух козлиных и двух схематических антропоморфных сидящих фигур, которые сильно напоминают неолитические женские идолы Иерихона, Библоса и Юмук-Тепе (Мерсин)¹. Кикладских островов, Крита, Финеса², Иранского плато, Месопотамии³, Египта⁴ и далекой Португалии⁵, а также идолов Армении⁶, Грузии⁷ и Азербайджана, относящихся к эпохе бронзы. По своему семантическому значению очень близко подходит к рассмотренному и другое изображение из давно известных находок⁸, состоящее также из двух козлиных и четырех антропоморфных уловых фигур. Однако эти последние отличаются от выше рассмотренных тем, что на них явно обозначены органы женского плодородия — пупок и вульва, как это мы видим на неолитических фигурах Тадж-Уйбака⁹ и многих поздних культовых статуэтках. Помимо этого, в описанной композиции фигурируют и точечные астральные знаки над козлами, которые явно указывают на смысловую связь этих изображений с понятием звездного неба или прямо на то, что все они представляют собою небесные светила. Это обстоятельство сильно выявляется и при рассмотрении варденисских композиций. В одной из них (рис. 292) антропоморфно-уловые женские фи-

¹ L. Garstang, Prehistoric Mésopotamia, Oxford, 1953 рис. 45—46.

² Г. Чайльд, У истоков европейской цивилизации, М., 1952, стр. 42, рис. 8.

³ M. E. Mallowan, Early Mesopotamia and Iran London, 1955, стр. 125, рис. 39—40, 123, 137а, 189—140.

⁴ Г. Чайльд, Древнейший Восток в свете новых открытий, рис. 36.

⁵ J. Marteniger, ук. соч., рис. 36 и 49.

⁶ А. А. Мартirosyan, Идолы из раскопок Карапет-буруза, «Несторио-филологический журнал», № 2, 1958, стр. 118.

⁷ А. Н. Джаганнатан, Л. Н. Гомти, ук. соч., рис. 280—282.

⁸ Л. А. Барсегян, ук. соч., рис. 12.

⁹ J. Melisart, ук. соч., рис. 83.

гуры, полуулуне и козлиные рисунки выступают вместе с созвездиями, изображенными в виде рядов (62 экз.) полусферических углублений, заключенных в специальные овалы. В другой аналогичной композиции козлиные фигуры заменены красивыми солнечными дисками, фигуры гидры и бесконечным множеством полусферических углублений-созвездий. Имеется целый ряд вариаций (рис. 291) подобных изображений, с характерными отклонениями. Наконец, одна из наиболее интересных композиций Вардениса (рис. 293) сочетает в себе антропоморфно-уловые парные женские фигуры, пиктографические знаки в большое изображение солнца с крестообразной сердцевиной. На нем изображены четыре человеческие фигуры с распростертыми руками. Изображения двойных женских идолов¹ и «солнечных обитателей» петроглифов Армении весьма характерны для всего Древнего Востока и имеют свои очень яркие параллели, с одной стороны, в первобытных вавилонских изображениях многих стран, с другой, — в погребально-ритуальных материалах. В этой связи чрезвычайно интересны антропоморфные расположенные крестообразно фигуры самарских халколитических расписных чащ (V тыс. до н. э.), которые не только напоминают «обитателей солнца» в варденисском изображении, но и сами воплощают в себе идею этого могучего светила, с распростертыми руками, растопыренными-лучебобразными пальцами и волнисто-вьющимися волосами². Декорированные подобным образом керамические изделия имеются также в доисторических Сузах. Среди памятников доисторического Египта в погребальных фресках Нероконополиса также представлен солнечный диск с крестообразной сердцевиной с изображениями животных и людей вокруг³.

¹ E. Herzfeld, Die vorgeschichtlichen Töpfereien von Samarra. Die Ausgrabungen von Samarra. Bd. V (Forschungen zur islamischen Kunst, II), Berlin, 1930, стр. 11—12, рис. 12.

² Г. Чайльд, Древнейший Восток . . . , М., 1956, стр. 134—135, рис. 41.

³ Lloyd Seton, The Art of the ancient Near-East, London, 1961, стр. 34—35.

Человеческими фигурами, изображенными на солнце, полны многие наскальные рисунки Европы¹, относящиеся к эпохе бронзы, а также одновременные орнаментальные мотивы погребальной керамики некоторых районов исторической Армении (типе Азербайджана)². Эти последние расположены вокруг горла червобластеских глиняных сосудов, непосредственно под солнечным изображением, выделенным с помощью трехлучевого чертоги-лучей, концентрических линий и меандра, в таких сочетаниях, где невременно участвуют счастливицы, козлиные фигуры и лучники. Некоторые из антропоморфных «обитателей солнца» представлены в знакомой нам позе распёртых рук и расстопыренных пальцев, характерных для петроглифов Армении. Эти фигуры подчас заполнены белоглинисторисунковым точечным орнаментом, напоминающим синину.

Композиции, сочетающие звездное сияющее небо и условные антропоморфные фигуры, мы видим в наскальных рисунках и на глинях металлических погребальных ваз-памятников Португалии, Испании и других европейских стран. Это обстоятельство недвусмысливо свидетельствует о проникновении астральных представлений в загробный мир, в погребальные культуры и обряды. Человеческие изображения на погребальных плитах, фигуры животных на камнях кромлехов, каменные и глиняные фигуры женских идолов в погребениях Армении, в свою очередь, указывают на взаимосвязь астральных представлений с постуторионами, с почитанием предков, и на то, что в мироощущении древних наследников Армении звездное небо и преисподняя воспринимались как равнозначно-равносильные части единого. Так было во всех восточных религиях.

В этой связи немаловажный интерес представляют те верования культуры армии, которые относятся к покойникам и предкам, душе человека, взаимоотношениям ее с телом

¹ Z. Gaudlitz, Bronzezeitliches Monumentalkunst, Koenigsberg, 1962, fig. 81 и др.

² Г. Н. Гумбэль, Археологические открытия, Баку, 1949.

и т. д. и т. п. Несмотря на свое христианское облачение, армянский фольклорный материал, обработанный и опубликованный М. Абегяном еще в конце XIX в., содержит в себе значительно древние пластики первобытного мышления и способствует осмыслению и интерпретации наскальных изображений. По данным М. Абегяна, души человеческие у армии мыслятся только во взаимосвязи с созвездиями и отождествляются с ними. Со звездами связывается не только душа человека, но и тело, жизненное его состояние: «Когда герой в затруднении, — пишет Абегян, — то звезда его тускнеет, когда он сражается с кем-либо, тогда на небе сражается и его звезда со своим соперником» («Сасна Цер», версия Давида и Мера). Почитаемые предки и их звезды у армии мыслятся как духи-хранители, ими клянутся как могилой отца, к ним обращаются с молитвой: «О, вы маленькие и большие звезды, будьте нашими защитниками, храните нас . . . от всех зол, от злых людей и злого часа» (Манана, 308¹). Даже средневековые влюблённые певцы обращаются к звездам с мольбой о помощи².

Презрчайло большой интерес в интерпретации первобытных наскальных изображений Армениа приобретают вскрытия М. Абегяна, показывающие о том, что **непорочные обитают в небе на звездах**, что душа является светом или блеском, что душа в теле живого человека имеет форму огненного, светящегося шара, что зачастую душа предков являются живущими в образе своего собственного сияния или присказа и т. д. и т. п. Подобные представления, выявленные у современных первобытных племен и народностей, по сути не отличаются от вышеизложенных и различаются лишь своей более непосредственной и прямой формой. По их верованиям, предки пре-

¹ M. Abegian, Der Armenische Volksglaube, Leipzig, 1899, с. 25, см. также Ш. Կրպիկ, Երգ, 1, Երևան, 1966, էջ 21—22.

² Ռ. Արքակի, Պատմական ձեռագիրներ, Երևան, 1940, էջ 42.

Фольклорист С. Б. Арутюнян любезно предоставил нам чрезвычайно ценные материалы, которые частично помещены в настоящем издании.

правцаются в созвездия, живут на звездах и солнце, участвуют во всех делах живых членов племен, содействуют им через свое звездное существование, своим чудесственным влиянием¹. Чужки, живущие на севере Советского Союза, до сих пор о мертвых говорят: «Они восселились в небо, превратились в звезды». Пальцем показывая на звездное небо, они добавляют: «Это наш народ, многочисленный прежде, и малочисленный ныне».

Все эти представления, по-видимому, не совсем далеко отошли от мифосозерцания палеолитических азильских племен, которые хранили в пещерах раскрашенные шаровидные галакти и верили, что в них таятся души предков, их духовное состояние и сила. Подобные же кроткие раскрашенные шары-чуринги изготавливали современные тасманийцы. Они бережно хранят свою чуринги, веря, что последние являются собою духи предков. Когда у тасманийской женщины спросили об их назначении, она ответила: это мои отдаленные предки, покойные члены моего племени. Арунты центральной Австралии также хранят чуринги с духами своих женских и мужских предков в священных пещерах и убежищах, что подобным магическим действием они приобретают силу и духовные качества предков.

Приведенные выше данные наскальных изображений Гегамских гор, Вардениса и Арагаца, данные по фольклору и этнографии армян как-будто не оставляют сомнения в том, что выбитые на скалах схематические человеческие фигуры на фоне звездного неба были специально предназначены для почитания предков. Это явление наблюдается повсеместно, в различных уголках земного шара, где имеются наскальные изображения.

Говоря о значении наскальных изображений Армении, нельзя упустить и одно чрезвычайно важное обстоятельство, неоднократно упоминаемое выше. Это наличие чрезвычайно богатого и разнообразного комплекса символов и пиктографических знаков, выступающих вместе с человеческими и животными

изображениями в охотничьих, магических сценах или же совершенно самостоятельно.

Это особо важная глава первобытной культуры, которой следует посвятить отдельную работу виду многочисленности материала, широкого распространения этих знаков на скалах², стенах погребальных памятников³, на поверхности глиняных сосудов⁴ и прочих культовых предметов в пределах Армении, Грузии и Азербайджана. Аналогичные знаки очень часто также в петроглифах Европы и Азии, в памятниках современного австралийского искусства. Обстоятельство весьма широкого географического распространения символов и пиктографических знаков на определенной стадии развития первобытной культуры и особое применение их в памятниках культуры, в частности в петроглифах и погребальных сооружениях и инвентарях, могут служить весьма солидным аргументом в пользу наличия особой формы письменности в первобытной Армении (не позже V—III тысячелетий до н. э.), которая применялась в культово-магических целях и могла стать основой для раннеармянских письмен священных Механинов.

Одной из наиболее важных задач, связанных с изучением наскальных изображений Армении, является вопрос их исторической классификации и датировки, без которых эти первоклассные памятники духовной культуры прошлого не смогли бы стать подлинными источниками. Культурные слои, образовавшиеся остатками традиционных жертвоприношений в чудесных святилищах Гегамских гор, непосредственно под изображениями, были, большей частью, смыты дождевыми и снежными потоками на протяжении тысячелетий, и наши разведывательные шурфы не дали ре-

¹ См. С. Г. Бархударян, ук. соч., с.р. 41.

² О. М. Джалабарде, Археологические раскопки в Триане в 1950—1963 гг. «Советская археология», № 2, 1964, стр. 119, рис. 17—20.

³ Г. Н. Чубинашвили, Древнейшая культура в Дворцах Куры и Аракса, Тбилиси, 1965, табл. V—XI, XVII (на груз. яз.).

щественных, датирующих материалов, если не считать находки двух каменных отбойников, которыми выбивались рисунки.

Остатки материальной культуры были найдены лишь в районе одного из больших скоплений наскальных изображений, к счастью нашему, самого древнего среди известных в Армении петроглифов. Группа этих изображений располагается у подножья вершины «Большой Пытасар», высеченна на огромных вулканических глыбах, поверхность которых насыщена сильно обветрены и «облучены». Изображения этой группы выделяются очень большими размерами (длина животных и людей достигает иногда одного метра), по сравнению со всеми другими группами Армении, грубостью линейного рисунка, широтой и глубиной самих линий, немногофигурностью и примитивностью композиций. Для петроглифов более характерно изображение отдельных больших фигур, преимущественно безоаровых быков и затем быков. Как явствует из обследования местности, наши отдаленные предки преподносили этим петроглифам «дары-жертвы». У колосальных глыб этого скопления и в непосредственной ее окрестности сотрудник Р. М. Гороски обнаружил целый ряд ножевых орудий, скребков и других изделий, которые имеют весьма убедительные параллели в инвентарях неолитических поселений Армении и служили в древности обработке продуктов скотоводства, широко применяясь в скоте. Нет сомнения, что эти орудия употреблялись во время жертвоприношения умагических рисунков охотниками и оставались на местах в качестве культовых реликций⁵.

Колоссальное количество изображений Гегамских гор, схожее их разнообразие, связанные с различными стадиями развития первобытной культуры, наличие линейного, контурного, промежуточного стилей, неоднократное наложение новых рисунков на прежде существовавшие (рис. 190, 204), а также целый

⁴ Описанная группа наскальных изображений обнаружена в числе тридцати других групп сотрудниками экспедиции А. А. Мартirosyanom, Р. М. Гороскином и А. Р. Исаевым во время полевых работ 1969 года и подготавливается к изданию отдельно.

ряд более второстепенных деталей, несомненно показывают, что Гегамские петроглифы отличаются очень широким хронологическим диапазоном и, возникнув во времена среднего или позднего неолита, продолжают свое существование на протяжении тысячелетий. При этом отсутствие изображений некоторых характерных представителей четвертичной фауны, малые размеры фигур, условно-геометрическая стилизованная форма их передела, абсолютное превалирование человеческих рисунков и их центральное положение современно исключают попытки отнесения их к древнекаменной и среднекаменной стадии развития культуры⁶. С другой стороны, наличие смешанного состава изображений некоторых сохранившихся видов четвертичных животных и их одомашненных соплеменников, разнопородности и многочисленности собак, сцены приручения и одомашнения животных фиксируют неолит-неолитическую, особенно хронологическую стадию развития первобытной общины, когда на базе разнообразно богатой флоры и фауны Армении устанавливались дотоле неизвестные хозяйствственные уклады, путем коллективного организованного, активного воздействия на природу. По данным палеонтолога С. К. Междумуряна⁷, изображения животных в петроглифах Гегамских гор в основном соответствуют видам, известным по остеологическому материалу раннеземельедельческих скотоводческих поселений V—III тысячелетий до н. э.

⁶ Использованы данные доклада, прочитанного С. К. Междумуряном на годичной сессии отделения биологических наук АН Армянской ССР 1968 г.

изображениях наиболее древней группы, которая вскоре уступает место композициям, изображающим охоту на более мелких и менее опасных животных. Характерно, что в остеологических остатках животных в III тысячелетии до н. э. не встречаются, как правило, кости таких животных, как зубр (известны лишь одиничные).

Из всего изложенного можно заключить, что древнейшая группа наскальных изображений Гегамских гор на какой-то мере предшествует процессу развития скотоводства в V—IV тысячелетиях до н. э., но в основном сопутствует этому процессу вплоть до III тысячелетия до н. э. Примерно к этому же времени относятся переднеазиатские, средиземноморские и кавказские параллели петроглифов Гегамских гор, в том числе и материалы поселений Чатал-Уйюк и Хаджилар, расположенных в Конийской равнине и датируемых концом VII—V тысячелетия до н. э. Известны в этих поселениях рельефы, многочисленные росписи и орнаментальные мотивы крашеной керамики довольно широко употребляющиеся семантические, стилистические и сюжетные особенности, с рассмотренными выше изображениями Армении. Культовые мотивы Чатал-Уйюка, открытые в VII, VIII, IX и других слоях поселения, отображают представления неолитических людей, связанных с охотой, культом плодородия, почитанием предков. В них содержится огромное множество символических знаков, изображений быков, оленей, собак и охотников, женских и солнечных божеств¹, которые довольно близко подходят к нашим. Леопарды, изображенные в росписях VI слоя², поразительно соответствуют нескольким фигурам однотипных зверей в Гегамских горах (рис. 318). Настолько же близки параллели петроглифов Гегамских гор (рис. 180) в изображениях III слоя Чатал-Уйюка (5800 гг. до н. э.), где представлены композиции, составленные рисунками оленя-охотника-собаки и

красных оленей³. Аналогии не исчерпываются, однако, настенным росписями. На крашеной южноазиатской керамике (5500 гг. до н. э.) Чатал-Уйюка и Хаджилара встречаются символические знаки, которые просто не отличаются от наших (рис. 294—301). Разновидность, сопоставляемых памятников не может служить преградой в их сравнительном изучении и некоторой синхронизации, поскольку они подкрепляются наличием совершенных идентичных и синхронных наскальных изображений в современной Армянской ССР и на территории юго-восточной Турции. Здесь на юго-востоке Анатолийского полуострова в горной системе Сат на алпийских ландшафтах вершин Бир-дага, Сембоник-дага, Язылы-бир-даг и Каляра, на высоте 4000 м от уровня моря распространены неолит-энолитические⁴ и более поздние петроглифы, которые повторяют гегамские изображения не только по геометрическим очертаниям, семантике, содержанию и стилю, но и по технике выполнения. Здесь повторяются не только характерные рисунки беззубовых козлов, но и сцены, изображающие пастью со стадами, скотоводов и пр. и пр. Неолит-бронзовековые параллели наших петроглифов даже прослеживаются в пределах Армянского междуречья⁵ и северной Месопотамии⁶ (районы Адимана и Демир-Капе), еще более к западу в Сиро-Палестине (Гезер, Мегиддо) и в прибрежном Антиливском вилайете Турции, в местности Дельбаба⁷. Серия параллелей к нашим памятникам отмечается также в Азербайджане и Средней Азии, преобладающее большинство которых относится к этапам неолита и бронзы.

Как отмечалось выше, фигуры солнечного божества Гегамских гор имеют многочислен-

ные соответствия на территории Европы, Азии и Африки, в пределах V—I тысячелетий до н. э. К ним следует добавить и материалы древнейшего слоя Янк-Тепе (IV тыс. до н. э.) на Иранском нагорье, в частности орнаментальные мотивы крашеной керамики слоев МС6 и МВ5, которые гораздо более тесно примыкают к памятникам Гегамских гор, чем многочисленные другие. На фрагментах глиняных сосудов упомянутых слоев изображены не только животные и человеческие фигуры, но и хорошо знакомые нам образы солнечного божества с распластанными трехглавыми руками, на фоне небесного океана, переданные орнаментальными символами «ромба-молнии». Подобные довольно ранние и очень крупные фигуры вырезаны и на скалах замечательных святилищ Кобыстына, причем в ряде случаев их перекрывают замечательные контуры изображений крупных быков⁸. Наряду с ними в Кобыстынских петроглифах представлены изображения беззубых козлов, танцующих людей и ряд других фигур, повторяющихся в наскальных рисунках Армении.

Сопоставление орнаментальных мотивов чернолистьевидной керамики III тысячелетия до н. э. с изображениями гегамских петроглифов, позволяет относить значительную часть последних к эпохе развития раннебронзовой культуры Армении, к поре наивысшего расцвета скотоводства и связанных с ним ремесел. Чернолистьевидная керамика раннебронзовой поры, широко распространявшаяся в пределах от Иранского Азербайджана до Советского, от восточной Грузии до Харбера (Эльязиг)—Малатии и Ванского озера, Сиро-Палестины, далекой Киликии и Северного Кавказа, помимо очень тонких и сложных геометрических орнаментов, носит на себе также стилизованные изображения водных птиц, козлов, оленей,

хищников, в сочетании с символическими знаками и пиктограммами, совершенно точно повторяющими рисунки Гегамских гор. Как на керамике, так и в наскальных изображениях эти фигуры составлены из треугольника, направленного осеванием вниз или из пары треугольников, с примыкающими остряями и дополнительными кривыми, спиральными, штриховыми линиями, которые обозначают конечности или отдельные детали. В абсолютном большинстве случаев вместе с изображениями птиц и животных на керамике III тысячелетия (до н. э.) выведены концептуальные кружочки, спирали, свастики, углышики, двойные ломаные ромбы, листовидные, стреловидные, четырехугольные, сечетные, треугольные символы и пиктографические знаки, каковые сплошь и рядом встречаются и в наскальных изображениях. Аналогичные мотивы культового характера изображаются также на металлических предметах III тысячелетия до н. э.⁹.

Чтобы убедиться в правомерности выше приведенных данных, достаточно сопоставить орнаментальные мотивы Шенгавита¹⁰, Маштоц-Блура¹¹, Кировакана¹², Урбиси¹³, Куро-Аракского междуречья¹⁴, Янк-Тепе¹⁵, Хазар-Тепе¹⁶ с изображениями Гегамских гор под номерами 289, 290, 303, 304, 327, 329. Имеются случаи, когда изображение III тысячелетия нанесено раньше или позже основной группы рисунков на том или другом камне, однако и в таких случаях большого хронологического разрыва нет.

Без большой затраты можно отнести к III тысячелетию до н. э. также изображения

¹ А. И. Джавахишвили, Л. И. Глонти, Урбиси, I. Тбилиси, 1962, табл. XXXVI.

² С. А. Сардарян, Первоитное общество в Армении (на пр. яз.), Ереван, 1967, табл. X, XI.

³ Э. В. Ханзада, Культура Армении в III тысячелетии до н. э., Ереван, 1967, табл. XII.

⁴ См. материалы Коринковского музея.

⁵ А. И. Джавахишвили, Л. И. Глонти, ук. соч.

⁶ Т. Н. Чубинянская, Древнейшая культура в Двуречье Кура и Аракса, Тбилиси, 1965, т. 8, 10, 11, 16 и др.

⁷ Э. В. Ханзада, ук. соч., табл. 25.

⁸ С. Вильямс, Excavations at Yanik-Tere, Iraq. XXIII, 1961, т. LXXII, LXXIII, LXXV и др.

¹ J. Mellaart, ук. соч., стр. 83—103 и сл., а также B. M. Mason, Неолит южной Турции, Археология странного света, М., 1966, стр. 161—171.

² J. Mellaart, ук. соч., стр. 83—103 и сл.

³ Tark Tarif Karumu, Belleten, XXI, 94, Ankara, 1957, W. Freh, Felszeichnungen in Südost Anatolien, стр. 621—623, а также JREK, Jahrgange 1954—1957, 19 Band, табл. 29—30.

⁴ H. Bossert, Altzyriem, Tübingen, 1951, рис. 686.

⁵ Там же, рис. 687, стр. 44 и др.

⁶ J. Mellaart, ук. соч., стр. 47.

многочисленных повозок в петроглифах Гегамских гор и других альпийских зон Армении. Именно в этот период первоземочные средства транспорта находят широкое применение в хозяйстве и в погребальном обряде. Помимо упомянутых выше глиняных моделей, реальные остатки деревянных повозок словно в рядом встречаются в погребениях III тысячелетия (до н. э.) не только в связи с культом мертвых, но, вероятно, и с небесными представлениями. Однако настаивать на точной датировке изображенных повозок не совсем удобно, так как возможности типологического анализа чересчур ограничены.

Ряд других изображений гегамских святилищ почти безошибочно можно датировать III тысячелетием до н. э. Это, в частности, поди-птицы, некоторые варианты изображений коз, оденей, собак, фаллических человеческих фигур, которые во общим своим очертанием и стилистической особенностью соответствуют рисункам красной керамики второй четверти III тысячелетия. Сотрудниками Института археологии и этнографии АН Арм. ССР Ж. Д. Хачатряном и А. А. Калантаряном в Мартунинском районе обнаружены чудесный монохромный расписной сосуд, с целой композицией фигур человека, животных и птиц, как бы «скопированных» с наскальных изображений Гегамских или Варденисских гор. Некоторые другие фигуры (рис. 236) связываются с рельефами каменных стел-вишапов, расположенных рядом с наскальными изображениями и датируемыми, несомненно, III тысячелетием до н. э.

Предвиденный выше материал позволяет датировать раннюю группу петроглифов Гегамских гор V—III тысячелетиями, с несомненным перевесом изображений III тыс. и с некоторым количеством экземпляров II тыс. до н. э.

Подобная ранняя датировка петроглифов Гегамских гор, мотивы их, связанные с культовыми представлениями охотничьих-скотоводческих племен, наличие многочисленных параллелей в раскопочных материалах раннеzemедельческих поселений заставляет пересмотреть в корне выдвинутые в нашей архе-

логии предположения об очень позднем оформлении полукочевой формы скотоводства, а следовательно, и общую периодизация культуры Армении, принадлежа ее в соответствие с исторической схемой разных культур Передней Азии.

Установившаяся раз и навсегда полукочевая форма скотоводства и соответствующая ей раннеzemедельческая культура Армении продолжают свое развитие на протяжении всей эпохи бронзы, альпийские луга Гегамских гор и многочисленные другие хребты продолжают выполнять свою могучую экономическую функцию, горные троны первобытных святилищ не зарастают травой. Поэтому количество культово-религиозных наскальных изображений продолжает расти не только эпоху средней и поздней бронзы, но и раннего железа. Суть и значение их почти не меняется. Определенным изменением подвергаются зато очертания, формы, стиль изображений, особенности композиционного их построения. Несколько меняется и состав животных. В наскальных рисунках не встречаются уже бизоны и гигантские олени. Кавказские благородные олени и безвороные козлы (рис. 31, 88, 90, 143, 180, 187—189, 249) изображаются в виде скульптур «Лачмена и Толорса¹», в виде врезных фигур артикской керамики². В силу краинской стилизации пышные рога оленей изображаются парой вертикальных линий и пересекающих черточек, как на калакентских поясах, опубликованных Р. Вирховым³, или в барельефах шампирских замечательных кромлехов. Многие из изображений людей в этот поздний период тяжелют, становятся более каноничными и статичными. Почти полностью исчезают динамичные фигуры людей с большой шаровидной головой, сильными непропорционально длинными конечностями. Появляются изображения неподвижных животных и людей, «тяже-

¹ А. А. Мартirosyan, Армения в эпоху бронзы и раннего железа, Ереван, 1964, табл. XIV, рис. 8, табл. VIII, рис. 3.

² Г. Г. Кесакелян, Погребение с бронзовым поясом из Ханлара, СА, № 3, 1966, рис. 4.

³ Б. В. Телов, Раскопки Талышского могильника, СА, № 3, 1963, рис. 15, табл. 30, рис. 5.

⁴ В. Фарзиф. *Գոյաց տեղը բարձրադիրին ձև՝ մասնաւոր հայելուզ*, № 1, 1882, № 6 (из арх. А. А. Мартirosyan).

ловесных», «громоздких», с полным заполнением контуров. Охотники почти всегда ряженые, носят птичья или звериные маски (рис. 169, 178, 197), как на поисках Армении⁵, Грузии, Азербайджана⁶, Северного Кавказа⁷ в эпоху поздней бронзы. В один из наиболее ярких композиций этого времени (рис. 175) очень четко изображены лук, стрела и наконечник стрелы листовидной формы, с опущенными усиками, какие-то встречаются повсеместно в погребальных материалах XI—Х вв. до н. э. В ряде других изображений выступают фантастические существа в виде касетровид с длинными когтями, (рис. 133—135), которые почти полностью повторяются в изображениях бронзового пояса из Калакента⁸. В этот поздний период развития искусства наскальных рисунков сохраняются также изображения божеств солнца, грома-молнии, покровителей животных, охотников и т. п. (рис. 307, 309, 314, 317, 318—321), которые, однако, выступают иные в странах головных уборов, крайне стилизованных геометрических формах, вполне соответствующих аналогичным фигурам белоникрустированной керамики начиная I тысячелетия из Ханлара и Килик-дага⁹, а также гравированным изображениям бронзового пояса Степанаванского погребения¹⁰. В эпоху поздней бронзы, раннего железа и в античное время в поселениях Армении и Грузии для отправления ритуальных церемоний изготавливались множество бронзовых статуэток божеств солнца, стихии, плодородия, которые по сути не отличаются от наскальных рисунков формой головных уборов, распространенных руками, расстопренными пальцами, подчеркнутыми органами плодородия и другими подробностями. Такие статуэтки хранятся в му-

¹ Б. Б. Пшогорский. Археология Закавказья, Л., 1949, табл. IX.

² Г. Г. Кесакелян. Погребение с бронзовым поясом из Ханлара, СА, № 3, 1966, рис. 4.

³ Б. В. Телов. Раскопки Талышского могильника, СА, № 3, 1963, рис. 9.

⁴ А. А. Ивановский. По Закавказью, МАК, вып. VI, испр. № 36.

⁵ Б. Б. Пшогорский. ук. соч., т. IX.

⁶ А. А. Мартirosyan, ук. соч., рис. 65.

зенх Армении¹¹ и Грузии¹². Скотоводство и земледелие, развившиеся в этот период довольно интенсивно, вызывали к жизни довольно близкие по форме и содержанию явления надстроенного порядка, которые одновременно почти отражались в наскальных изображениях Испании¹³, Португалии¹⁴, Италии, в Скандинавских странах¹⁵, в частности на Норвегии¹⁶, в Сибири¹⁷, Средней Азии, на прибрежных пространствах оз. Онеги, Белого и Черного¹⁸ морей, в евро-африканских районах, в различных местностях Сахары¹⁹, на рубеже итальянских и швейцарских Альп²⁰, в наскальных изображениях Швейцарии²¹, на дольменах северо-западной Испании²² и во многих других местах. Все перечисленные изображения близки к Гегамским не только хронологически и морфологически, но и по semanticльному своему значению. Как и странно, во всех этих отношениях наиболее близкими из них кажутся неолит-бронзово-вековые андалузийские изображения южной Испании, выполненные красной краской. Здесь выступают те же боги солнца и стихии, композиции, посвященные культу предков (рис. 253), и другие рисунки, которые прямо-таки повторяют петроглифы Гегамских гор, Вардениса и Арагона (рис. 145, 291, 292). Здесь, как

¹ См. Гос. исторический музей, фонд № 85.

² А. М. Аракелян и др. Археология Грузии (на груз. яз.), Тбилиси, 1959, т. XXIII, а также Каталог археологических материалов. Тбилиси, 1955, том II. Нар. х. рис. 4—6.

³ Н. Клин. Mainz, Die Feinsbilder von Fuenfcoliate, IPEK Jahrgang, 1960—1963, 20 Band, Berlin, 1963, т. 17 рис. 14.

⁴ И. Маршалер, ук. соч.

⁵ F. Gundlitz, Bronzedollers Monumentalkunst, 1962, рис. 21, стр. 40.

⁶ Acta archaeologica Carpathica, № 9, 1968, стр. 117, рис. 6, стр. 118, рис. 8.

⁷ А. П. Окладников. Петроглифы Ангары.

⁸ А. А. Фарзиф, ук. соч., рис. 28.

⁹ Там же, рис. 36.

¹⁰ T. Monod. Contributions à l'étude de la Sahara occidental, Paris, рис. 31 и др., а также IPEK, Berlin-Leipzig, 1935, стр. 149—163.

¹¹ E. Anat. Mondes anciens, 4, 1960.

¹² IPEK, 1937, рис. 3 и 7.

¹³ H. Breuil and M.-Z. Barbier, Rock paintings of southern Andalusia, Oxford, 1929.

и в Гегамских горах, имеются также изображения солнечных божеств среди беззаровых колдов и других животных, композиции, которые представляют стада животных с пастихами и пр. и пр. В связи с сопоставлением с петроглифами Вардениса чрезвычайно важна одна андалузийская композиция, в которой на фоне звездного небосвода представлена изображения оленя и охотника в сопровождении всех трех символовических и пиктографических знаков, которые наличествуют и в Варденисе (рис. 145). Авторитетный исследователь первобытного искусства Генри Брэйль связывает эти изображения с расписью керамики, обнаженной на месте, и с помощью ряда других аргументов относит их к эпохе металлов.

Однако при сравнительном изучении андалузийских фресок и гегамских наскальных изображений следует иметь в виду, что в смысле абсолютной хронологии последние значительно опережают, так как европейский неолит наступает лишь в III тысячелетии до н. э., и соответственно запаздывают все другие ступени развития эпохи металлов. Тем не менее здесь и там закономерно повторяются стадиальные надстроичные явления. В этом аспекте чрезвычайно интересно и то, что изображения антропоморфных солнечных божеств петроглифов Гегамских гор и Вардениса повторяются в орнаментальных мотивах закавказской керамики I тысячелетия, точно так же, как это прослеживается в далекой Андалузии. Мы имеем в виду рассмотренную выше чирво-блестящую инкрустированную керамику Ханлара и Килик-дага с изображениями солнечных знаков, свастики, антропоморфных божеств и охотников-предков.

В подлинном хронологическую группу петроглифов Гегамских гор входит также композиции с конниками охотниками, которая обычна как для наскальных изображений Кавказа, так и для закавказских бронзовых поясов конца II—начала I тысячелетия до н. э. Изображения конников степанаванского бронзовогонояса почти буквально повторяют гегамские рисунки не только стилизованными очертаниями коней и треугольно-геометрической переда-

чей человеческих фигур, но и поэзой стоящих на коне конейчиков¹. Сам же степанаванский бронзовый пояс относится к тому времени, когда в Армении особенно широко распространялась лошадь, когда это животное связывалось в представлениях предков с культом солнца. Хотя в искусстве Армении изображение лошади появляется впервые в III тысячелетии до н. э., а погребенные остатки ее и бронзовые модели колесниц в XIV—XIII вв., однако в конце II и в I тысячелетии до н. э. входит в обиход не только захоронение коня вместе с человеком, но и изображение верховых воинов или охотников, людей на поездах, телегах и колесницах в памятниках изобразительного искусства. Именно к этому периоду могут относиться изображения наездников в петроглифах Гегамских гор, Вардениса, Сюника и Арагаца. Подобная хронологическая фиксация может быть подтверждена датировкой аналогичных изображений Кавказа, Азии и Европы, абсолютное большинство которых не переходит за четверть II тысячелетия. Это относится к петроглифам Кобыстана² и Демир-Капы³, это относится к культуре Грузии, где нет пока наскальных изображений, но есть бронзовые статуэтки конников на коне⁴. Маска еще более поздних фресковых изображений конников выступает в Нагорном Дагестане⁵, которые по формальным данным почти не отличаются от наших. Но ранними являются и европейские памятники этого рода, известные в Испании⁶, Скандинавских странах⁷, Италии⁸, на Карпатах⁹. К IV—III вв. до н. э. относятся, например, очень близкие к гегамским

петроглифи из Камоники, расположенной в зоне итальянских и швейцарских Альп¹⁰.

Среди рассмотренных выше дvinских сокудов, связанных с памятниками Гегамских гор изображениями божеств стихии и животных, встречаются также такие, которые носят на себе налепные фигуры конных охотников, преследующих зверей¹¹. Эти культовые сосуды дvinы, предназначенные для разных церемоний, некогда располагались в большом помещении святилища местных солнцеополлоников, вокруг очага-жертвенника, с остатками угольков и золы, с большой глиняной дощечкой сзади, на которой символически изображались небесные светила, вода и другие силы стихии. Само дvinское кипине, знаменитый памятник первобытности, находилось в горизонте между средневековым раннеbronзовым слоем цитадели. На этом же горизонте, рядом с кипинцем (или даже в его пределах) были обнаружены, вероятно, в качестве жертвоприношений, чудесные бронзовые вещи: меч, кинжал, различные набалдашники, бусы и другие украшения, которые принадлежат к

¹ La civilisation du val Samonica, E. Anat, Mon desasciens, 4, 1960.

² К. Г. Кафадарх, ук. соч.

типов инвентарей нагорно-карабахских больших курганов и могут быть датированы XI—Х вв. до н. э. Все основные типы остатков керамики дvinского кипинца хорошо узнаваемы с образцами сосудов дурлартских слоев Кармир-блура, которые располагаются под урартским слоем непосредственно.

Остается добавить, что петроглифы поздних групп в Гегамских горах отличаются композиционным построением бронзовых поясов конца II и начала I тысячелетия до н. э., для которых очень характерно расположение фигур в линию, в две или три линии, вертикали, а также изображение самок с детенышами на спине (рис. 213—215, 257—259, 280). Однако как в наскальных изображениях, так и на упомянутых поясах бывают и очень сложные, «смешанные» композиции, совершенно идентичные здесь и там. Не являлись ли творцы этих чудесных памятников, резчики-чародеи, представителями одних из тех же племен?

Так представляются нам с первого взгляда чудесные наскальные изображения Гегамских гор. Время, дальнейшее исследование позволит проследить в них новые явления, интересные детали и черты, позволяющие внести в корректировки в этот наш предварительный обзор.

¹ А. А. Мартirosian, Армения в эпоху бронзы и раннего железа, рас. 63.

² А. А. Фарзалиев, ук. соч., рис. 25, стр. 63.

³ Г. Бессонов, ук. соч., рис. 696.

⁴ «Археология Грузии» (на груз. яз.), Тбилиси, 1959, табл. XIV, 2, 5.

⁵ С неопубликованным еще материалом любезно ознакомил нас В. Г. Котович, см. также «История Дагестана» (коллектив авторов), М., 1967, стр. 79—81.

⁶ Г. Кюм, ук. соч., табл. XIX, рис. 12.

⁷ Гюмбет, ук. соч., стр. 40.

⁸ Г. Кюм, ук. соч., рис. 80.

⁹ Acta archaeologica Carpathica, IX, стр. 120, рис. 11.

THE ROCK-CARVED PICTURES OF THE GUEGHAMIAN MOUNTAINS

Summary

During the last hundred years tens of thousands of rock-carved pictures and other monuments of archaic art have been discovered in the different countries of Europe, Africa and Asia, even in the lifeless sandy deserts now existing; they have reached us in great abundance from nearly all the hearths of the remotest history of human society, wherein has stepped the prehistoric hunter, the first thoughtful animal-breeder and husbandman.

The Armenian highlands as an integral part of the ancient world, as one of the initial cradles of human culture, are extremely rich with marvels of prehistoric art, original and multifarious rock-carved images, about which numerous informations and reports have been published during almost 60 years. According to these, on the great many mountain peaks of Armenia, on the alpine slopes, in the caverns, on the bare mirror of the rocks and even on the flat surface of the volcanic protuberances in the lowlands, on tens of hundreds of kilometers, are spread extensive agglomerations of prehistoric rock-carved images, extending from the skirts of the Aragats to the Armenian Taurus, unto Assyria, till the frontiers of Palestine and Iraq. There are especially large groups of rock-carved pictures on the peaks and the slopes of the Gueghamian, Vard-

enis, Djermouk and the Siounic mountains. Among these are particularly remarkable the picture collections of the Gueghamian mountains, the great majority of which has been studied during the years 1966—1968 by a special expeditionary party of the Academy of Sciences of the Armenian SSR.

The few dozens of volcanic crests and intermediate which configurate the Gueghamian mountains, from the sources of the river Hrazdan up to the peak Gundasar, border the high mountain barrier of the lake Sevan from the west and close the Small Caucasian ring over there. During the late quaternary and the holocene periods their beautiful slopes get covered by alpine luxuriant grasslands and masses of large-stemmed trees. Dozens of small ponds appear in the craters of the volcanic cones; rivers, creeks and frozen water-springs take their sources in the mountain-peaks. Owing to them, more and more animals, originated long ago, are raised on the Gueghamian mountains, new animals appear and multiply, the high-mountain ponds are filled with variegated flocks of water birds. While pursuing them, the prehistoric hunter, the early animal-breeder and husbandman move unto the summits of the Gueghamian mountains. Due to the natural and climatic, life giving conditions, to the luxuriant and profuse vegetation, as well as to the inimitable, contemplative beauty of the animal world and of

the nature, these areas become important microregions of chalcolithic-bronze age economy and of prehistoric culture development, with specific types of archaeological remnants, summer resort settlements, small groups of sepulchres, huge caverns of dragon-fishes, assemblages of wonderful rock-carved images lying upon natural concavities and protuberant stones, all of which were the cherished sanctuaries of the prehistoric hunters and animal-breeders, «temples» of ancient art and worship. In these sanctuaries, everything has been expressed by different men, in different times and for different purposes by means of three to four thousand compositional, simple or complex figures representing humans or animals, isolated or assembled, which are remarkable for the adequately generalized expression of the distinctive particularities of the objects depicted, in spite of their geometrical, stylized forms and the diversity of their styles.

These picture groups of the mountain sanctuaries give, by their wide scope and concreteness, a sufficiently clear idea not only of the main premises for the lasting and development of the local communities, i. e. the diversity of the opulent fauna, and hence of the natural and climatic conditions, and of the flora, but also of the economic life of that period: hunting, domestication and breeding of animals. These are the circumstances according to which was being shaped the primitive management of production and wherefrom originated the rituals and ceremonials of the hunting-animal raising and of the first land-cultivating races, as well as the concepts referring to the star-crowded sky and the universe, and the ancestral cults of the sun, the heavenly bodies, the natural forces and fertility, together with a great many aspects of prehistoric spiritual life, with which we get acquainted exclusively by means of the rock-carved images. Within the pictures of the Gueghamian mountains are conspicuous, first of all, the enormous quantity and diversity of quite different species of animals. These are: the bison, the wild bull (or cow),

the caucasian noble deer, the gigantic reindeer, the elk, the roe and the djeiran, the horse (much later), the wild ass, the fox, the wolf, the wild boar, the lynx, the leopard, a number of small-sized animals, different species of dogs, various kinds of reptiles, the duck, the goose, the stork, the swan, the partridge, etc... Some of these animals have definitely disappeared now from Armenia and their fossil remains are met only in animal burials having existed tens of thousands years ago, subsequently to their catastrophic annihilation.

The perpetuation of palaeolithic, early quaternary animal figures on the rock-carved pictures of the chalcolithic bronze age evidently indicates, that climatic severe changes have not occurred during the late glacial period in Armenia, and that the herds of herbivorous big animals were preserved, serving as a basis for the further development of late-palaeolithic game-hunting, as well as for the transition from game-hunting to animal-breeding in a very early historical period. If we add to this the gathering practice developing on the basis of the existing numerous varieties of wild cereals, and the great possibilities for the transition to early agriculture, we may acknowledge that prehistoric Armenia, owing a great basis of production, became, together with Asia Minor, the Transcaucasus and northern Mesopotamia, western Iran and Turkmenistan, Syria, Assyria and Palestine, one of the important hearths for the «moulding of the Hither Asian historical arenas», which was impregnated within its natural borders outstretching from the sources of the Tigris and the Euphrates to Mesopotamia, the valleys of the rivers Arax and Kour, from the Somkhetian and the Small Caucasus mountains unto the Taurus and the Anti-Taurus, by a great revolutionary process in the shaping of productive economy.

In the afro-asian rock-carved images of that period, we meet almost everywhere with various game-hunting scenes, which testify to the highest development of that branch of economy. From that point of view, the Gueghamian rock-carved pictures hold a consi-

¹ Summary translated in English by N. P. Harutyunyan.

derable place. Here the hunters are represented bare, in mobile and typical shapes, as well as dressed, wearing different kinds of head coverings, sometimes even high-pointed foot-wears, and also animal or bird—resembling masks. They are armed with big or small, seldom finely-shaped bows, clubs, spears, thongs. Nets and elementary pit-traps are shown in some of the pictures. Especially numerous are the pictures of hunters and dogs chasing (alone or in pairs) bisons, wild bulls, reindeers or their small herds. Often the lonely hunter is figured with only a rope against the wild bull, or amidst a big herd of animals, ready to send the arrow. However, we also happen to meet splendid and dynamic, large compositions, with dozens of animals, a multitude of hunters and dogs shrewdly encircling the game and depicted within consecutively connected scenes of premeditated game-hunting operations, wherein are figured panic-struck, headlong fleeing, deadly frightened, wounded or killed, or on the contrary, ready to attack, furious animals.

In such pictures, all the living creatures are very often represented impressively dynamical, quick-acting, with characteristic movements, causing an aesthetic pleasure to the observer. The herds of reindeers chased by the hunter, moving beneath their own exuberant and splendid horns, often give the impression of a thick forest, in the ramified panorama of which are scarcely noticed the hunter and the dog. In the rock-carved pictures of a later period horse-riding hunters are also met with. All of these pictures are so typical, characteristic and explicit for the hunting-animal raising mode of life, that they seem to be «canvases» reproducing the real facts. However, the geometrical symbols of the sun, of the moon and of the other heavenly bodies, the token-bearing figures of anthropomorphic deities, of fantastic animals and of men and women, definitively disclose the unreal, religious-magical nature of the game-hunting scenes. The main essence of these pictures lies in that the prehistoric hunter tries by means of simulative sorcery, to attain the real, calling for

help his remote and close ancestors who were assumed to live in the sky-belt and were remembered in the legends as intrepid game-hunters and skilful animal-raisers. The powerful forces of nature, i. e. the patronizing spirits and the deities were also called for help. The game-hunting ceremonials and the ritual dances are connected namely with these conceptions; they are not often, but with exceptional vigor represented in the rock-carved pictures of the Gueghamian mountains and have their precise analogues in the rock inscriptions of Asia and Africa, and in the ethnography of contemporary hunting races that still carry on a prehistoric way of life. The hunting races of the Lannes even nowadays continue to carve similar images for their secret rituals, ceremonial immolations before going to hunt. They offer presents and sacrifices even to the «prehistoric» engravings and carve on their weapons the figures of those animals, that they want to kill.

The similar sights occurring everywhere within the elevated regions of Armenia emphasize, by their religious-cultural, magic essence, the significant place hold by game-hunting in the development of primitive husbandry during long millennia. It is not incidental that the excavated skeletal remains of the wild animals depicted on the Gueghamian mountains—the deer, the large roe, the bison, the leopard, the goat, the fox, the partridge, the duck, the goose, the swan—are also encountered in the excavations of the settlements of the Ararat plain, dating the 5—1 millennia B. C. This means that the early cultivator and animal-breeder of the Ararat plain had gained possession of the alpine meadows of the Gueghamian mountains, had created wonderful sanctuaries on the mountains and left their traces on all the mountain-paths and since they were definitively established in the fertile valley of the Arax, with their abode habitations and their irrigated land-parcels, the possibilities of using the meadows and the hunting places, and of perpetuating the sanctuaries of the Gueghamian mountains grew everlasting, becoming root

and stalk for the effective development of primitive husbandry and of the prehistoric traditions of social and spiritual life. The abundance of the rock-carved pictures of the Gueghamian mountains, the wideness of their scope, their gradual development, numerous nuances and styles, their particularities should be explained by these crucial circumstances of socio-economic order.

The most distinctive and particular aspect of the hunting scenes of the Gueghamian sanctuaries is that the prehistoric hunter often strives not to kill the victim, to isolate and spare the youngs, to hunt them with a club or a rope, without weapons, by means of traps, etc... Two tendencies of the development of primitive economy are combined in such images: hunting and preserving the game from ruthless destruction, with the potential aim of creating an everlasting and reliable source of food.

This tendency of economic development is distinctly noticed in those rock-carved pictures, in which large groups of animals are juxtaposed to astral symbols proclaiming their celestial origin. In such compositions, the animal families made up by a corresponding number of males, females and youngsters, now and then move towards the water aligned tail-to-tail, or quietly graze, mixed together, free and widespread, sometimes forming heterogeneous groups of cows, bulls, goats and other cattle, looking like communal herds of domesticated animals. All this reveals man's perilous and difficult struggle on the secular pathways of domesticating and raising animals, at a time when the prehistoric hunter and animal-breeder recurred not only to his skill, his knowledge, his ingenuity and his primitive technique, but also to the ancestors, the spirits, the gods, sorcery, etc... A considerable number of the Gueghamian rock carved pictures represents strap-hold animals with their forefeet and posterior feet tied together, or fettered goats leading their herds, tall men guarding the animals, little boys and watchdogs, or men pulling the hunted animals by

the muzzle, the beard, the tail or the corns, with the aid of strips.

In one of the magnificent dynamic pictures of this group, the bessourian goats, moving from left to right, are figuring within the environment of dogs, stellar symbols and pictographic emblems. In the center of the composition is the image of an anthropomorphic creature in a bewitching position, on the left side of which is figured the sun. This picture probably represents a celestial shepherd, an animal-protecting deity or the worshipped image of a pastoral ancestor. In some of the similar compositions of a religious-cultural-magic nature are also pictured celestial mighty bulls, with jets of water thrusting from the mouth. Bull-headed similar bas-reliefs are found on the famous dragon stele, that can be interpreted as monuments enshrining the concept of the natural elements and of fertility. In the popular mentality, the concept of the dragon is identified with that of the storm, the thunder and the lightning, together with transformations of the bull, the fish or a beast of burden, all this combined with the mighty forces of nature and the concept of fertility connected with them.

There are many pictures directly expressing the concept and the cult of fertility and in which are represented animals feeding their little ones, groups of animals with their youngs, magical procedures performed for the proliferation of animals, the whole within an environment of men, women, solar and lightning divinities, all of which emphasize the importance of fertility.

In many religions, especially in prehistoric times, everything was inferred to the concept of fruitfulness, prolificacy, life reproduction, revival, perpetuation and flourishing of the animal and vegetable world. Namely for that reason the ceremonies and the rites dedicated to the cult of fertility were not confined to the mountainous sanctuaries of the animal-breeders, but were continued through the winter and the prevernal heavy season in the sacred assembly rooms or in the holy

corners of ordinary habitations in the other localities of Armenia, where we find numerous fertility-dedicated statuettes of animals or of women. The customs of making statuettes continued in Armenia during the late bronze and early iron ages, the ancient times and Christianity. By cooking, on the New Year days, animal-resembling pancakes and feeding them to animals, people believed in the possibility of realizing general welfare.

Thus the above mentioned rock-carved pictures show, in spite of their religious-cultural nature and essence, not only the material possibilities, the means, the premises and the ways of edifying a productive economy, but also the development, as a result of the appropriation of the mountainous pastures in the post-glacial period, of early semi-nomadic animal husbandry, which served as a solid basis for the development of secondary trades, the accumulation and the exchange of surplus products and thereby for ethnical consolidation. The development, during the chalcolithic-bronze age period, of a culture essentially united by its form, its nature and its geographic expansion results in the concentration and the shaping of ethnical large agglomerations in the Armenian highlands. The great and thorough development of prehistoric art, the extensive distribution of rock-carved pictures, their remarkable generalities and the wide scope of their chronologic relationship are conditioned by these same circumstances. From the Aragats to the Sioune mountains, i. e. within a territory extending 180—200 km in straight line, we can see remarkably alike, if not identical, rock-carved pictures connected with the early development of game-hunting-animal domestication and breeding, which have been the result of the All-Armenian economic thorough changes.

* * *

The creation of the material basis for the development of social life and the formation of ethnical great unions was favoring, in its turn, the shaping of the early land cultivating-

animal raising mentality and of the religious beliefs and worship. Incited by the most practical needs of domestic life, the prehistoric herder and land-tiller turned to the starry sky, the high tide and the low tide of the rivers; they were the first unsophisticated «investigators» of the climatic changes, who interpreted these phenomena in their own way, supported by a brilliant imagination that turned them into beautiful tales and legends. Many of the rock-carved pictures of the Gueghamian mountains are directly related with myths and legends originating from the cult of the starry sky, the moon and the luminaries, the other elemental deities and the worship of ancestors, a considerable part of which has reached, from the Hurrian-Armenian crater, the actual stage of Armenian folklore. In the prehistoric sanctuaries of the Gueghamian mountains we may come across an extremely great number of geometrical carvings figuring the sun, the moon, the lightning, the stars, as well as whole complexes of symbols, which bear in themselves the concept of the stellar system. The apprehensions and the worships connected with these survived until the early middle-ages, particularly among the sectarians, who worshipped the sun as a deity, representing it as a radiant wheel, and explained the very existence of all living creatures by its almighty, since they are all dependent of its nature, as the rays are dependent of the wheel, since «... it is itself a wheel and a multiplicity of rays». This is easily connected with the idea of the chariot. For that reason it is likely that the pictures of the variously shaped carts met in the engravings of the Gueghamian mountains and elsewhere may be connected with the cult of the sun, since the bulls drawing them and the surrounding other animals are nothing else than celestial bodies. In the art of the 3rd millennium B. C. we find a multitude of carts and chariots drawn by oxen or bulls having stellar symbols on their fronts; the pictures of anthropomorphic solar deities and of war-chariots or carts were also common among the late bronze age and Urartian objects of art and worship. On one of the

Urartian imprints is figuring a wonderful cart, over which is shining the sun; it is followed by the priest with his arms extended (or by the solar deity itself) and also by the fantastic griffin-goat offered to the sun and bearing a solar mark on its chest. In another imprint is figuring a boat (instead of the cart), a figure of a man, surrounded by animal and astral figures. In the Armenian popular mentality the sun and the moon are always together: on a cart or in a boat. In allusion of the sun-and-moon concept the Armenian riddle says «There's a sea, brother and sister are travelling together in a boat». Here the «brother and sister» are assumed to be the solar and lunar divinities, while the «sea» is interpreted as the purple sky belt. In the Gueghamian rock-carved pictures the cult of the firmament and of the heavenly bodies is often related with the birds. In the center of one of the pictures representing a constellation the sun is figured as a radiant wheel, upon which is shown a large bird, its beak pointed to the «blazing» globe.

Similar pictures related to middle-late bronze age are often met with in the art of that period and have their parallel in the following popular enigma «A bird flying across the sky, a hooked bill and a golden pan». In another riddle the sun, the moon and the stars are represented as birds «I have a poultry-yard, with two broad-hens and their chickens». In the Gueghamian rock-carved pictures there are unique group-images of aquatic birds accompanied by anthropomorphic ghosts and stellar symbols. Another group of pictures symbolizes the thunder-lightning or the natural elements. There are goats standing alone, with crosses and swastikas carved on their bodies, between the horns or upon the head and, which is the most important, with little beads ranged in circle and in rays, that give the impression of flashes emitted from their waist. These pictures of «sparkling» goats seem to have been done for illustrating the Armenian popular riddle «Itself a goat, with a sparkling waist». This riddle is the laconic interpretation of the lightning.

By depicting animals our ancestors meant to represent not only the sun, the moon and the lightning, but also the whole of the star-adorned sky or the universe.

Gueghamian many picture-groups have their astral symbols which apprise that unimorphic or polymorphic animals were luminary bodies. The ancient Armenians also figured out that the firmament was such. The riddle says «The kurd wearing a white turban and standing amidst a herd of sheep, day and night looks at the worlds». Here the sheep represent the heavenly bodies, whilst the shepherd (the Kurd) represents the sun or the moon. In the prehistoric rock-carved pictures, as also in the above mentioned riddle, together with the herds of animals are represented anthropomorphic, large, prominent figures with wide-extended arms, a crescent-like or radial unfolding, sometimes entirely lying in the glow of lightning rays, which reveals that they are solar, lunar or lightning deities. The above-mentioned celestial divinities are often represented together in the rock-carved pictures, as the sun and the moon are very frequently mentioned together as brother and sister» in the Armenian riddles. Many of these god-images are depicted with an accentuated male organ, even in the magic process of fertilizing the earth, as if to emphasize once more the natural tie existing between the sun and fertility. In some other cases, the anthropomorphic deities of the sun, the moon and the lightning are represented as forces protecting the animals and leading agriculture to flourish; their analogies are represented in the European rock-carved pictures with a sickle in the hand, as the Armenian goddesses of fertility, with its «sickle-bearing» or «scull-herders» surnames. The importance of these pictures (profoundly significant as to their composition and their semantic role) was so great, that they continued to be carved until the late-bronze and early-iron period and decorated the walls of the sacred earthenware of Dvin (9—8 centuries B. C.) and subsequently spread throughout Urartian glyptic and Ancient art in the form of bronze

statuettes or incised «ornamentations». Very interesting is the phallic image of the anthropomorphic sun-deity, with radiant extremities, or that of the life-tree and of the radiant celestial Pegasus, which is represented in the role of land-fertility (and not animal fertility) destower.

On both faces of another Urartian seal are represented, on one side, the thunder-lightning deity standing on a bull with its «radiating» arms upheld, on the other—the anthropomorphic figure of the «radiating» sun-god kneeling before the winged disk of the Sassouryan sun deity. This second glyptic figure shows that in Urartian religion the elemental divinities are not only conceived and depicted as reciprocally related (as in the rock-carved pictures), but also wear traditional «rock-carved picture» forms, together with genuine Urartian or Assyrian additions. The difference lies in that the thunder-lightning «walking» deity of the local races here is riding a bull and is named after the Minor-Asian god of the elements, Teshoub, while the equally ancient, local sun-deity is known under the Mousassaryan name of Ardin. The semantic affinities or Urartian glyptic art with the rock-carved pictures are also revealed by other comparisons of seal-incised, linear figures of dragon-snakes, reindeers, goats, mask-wearing archers surrounded by pictographic and ideographic stellar symbols.

Among the late bronze age and Urartian monuments of art and worship the analogues of the rock-carved pictures of the Gueghamian mountains clearly indicate the homogenous character of the land cultivating-animal breeding ideology that progressed on the basis of millennial traditions, upon a background of socio-economic, political and ethical changes. Absolutely identical images of solar and elemental divinities, endowed with astonishing vitality, are met everywhere—in Mesopotamia and the Iranian plateau, in Azerbaijan, Central Asia, Siberia, in many countries of Europe and Africa, in the contemporary African creations of art and on the Armenian earthenware of the 19th century.

* * *

The images of supernatural beings (double-headed snakes, hydres, dragons, dragon-goats and other fantastic creatures related with cosmic representations) are numerous on the rock-carved pictures of the Gueghamian mountains. The Hurrian, and later on the Armenian legends, riddles, tales about wicked dragons, wise snakes, dragon-killing heroes and deities have originated from here. Many rock-carved pictures, found in the Armenian mountains, represent the struggle between heroes and dragon-snakes, which find their parallels on the cobanian axes figuring the exploits of Amiran as well as in the legends of Artavazd and Vahagn. One of the huge rock-carved pictures of Vardenis is dedicated to the struggle of solar and thunderer divinities. The three groups of geometrical images represented here comprise large and beautiful solar symbols, crosses, the crescent and numerous half-spherical engravings representing the stars. Below these is found a marvellous composition, which seems to be the legendary interpretation of geometrical symbols. Here is shown the sun god together with the wheel, the horse and the crescent. In front of it the lightning divinities are standing amidst an incongruous mixture of enormous snake-lightnings, which represent the thundering sky-belt at the fierce struggle of the gods. Certain attributes and functions of the «Vardenesian» divinities have been preserved in the images of the Armenian gods Vahagn and Mihr and of the heroes of Sason. Some of the latter have the appearance of a terrible thunder-lightning (Sanasar and Baghdasar), the others that of a water-born fiery horse related with the sea and the sun, some of them are dragon-killing (Vahagn), others are figured holding serpentine lightnings and wearing a radiating head cover (Mihr). Many of them are sun-lightning divinities, half-divine and half-human images, luminous ancestors of Armenian or pre-Armenian tribes, just as was represented the legendary patriarch Haik of the succeeding epoch: as an ancestor and fearless hunter,

surrounded by animals in a hunting scene, and as a shining and beautiful star, with its constellation. For that reason it is quite likely that many of the anthropomorphic figures of the Gueghamian engravings represent ancestors, sanctified and divinified by huntsmen-painters, together with astral symbols. It is not possible that the Armenian races coming from the palaeolithic and having many hunting traditions should not have kept legends and memories of the exploits and the feats of their ancestral hunters, ancestors, which having left for their peculiar world, became mighty and influent spirits, protecting and helping the living generations. Logically it is quite clear that many of the anthropomorphic figures depicted in the hunting or mythical scenes, or separately, and reduced to a few simple lines (fig. 83–93), should represent ancestors or their spirits, associated with the starry sky. In the imagination of many peoples, and especially of aborigine Armenians, the specific world of the ancestors was the sky, where they were turned into constellations and miraculously influenced the fate of the living race and of each of its members.

As we saw above, the large rock-carved picture of Vardenis, representing an association of constellations and men, could also be connected with the concept of deification of the ancestors. The engravings of this type form a quite large group in Armenia and deserve particular study. Here we may present some of them.

Of the Gueghamian rock-carved pictures the one bearing the number 265 is a simple composition, consisting of two goat images and two schematic figures of women, which quite enough resemble the feminine idols of Jericho, Byblos; Yumuk-Tepe (Mersin), Crete, the Cyclades, Knossos and even the neolithic feminine idols of faraway Portugal and of the Bronze-age of Armenia, Georgia and Azerbaijan. There is also a picture on the slopes of mount Aragats, which is altogether identical by its semantics. It also consists of goat pictures and four conventional human figures, which however, contrary to the previous ones,

bear on themselves the marks of feminine profligacy (the navel and the vulva).

The above mentioned rock-carved picture of Aragats has also other interesting details: small circles or astral symbols carved near one of the goats, and which unmistakably show the tie between the goats and conventional human figures with the sky-belt or simply the fact of their being lunatics. This is more clearly revealed in two rock-carved pictures of Vardenis, in one of which (fig. 292) the anthropomorphic and the goat crescent-like images are juxtaposed with semi-pheric holes taken into oval circles (fig. 324): astral constellations (62 in number), while in the other (fig. 291) are pictured beautiful shining suns, a somewhat hydre-like creature and an enormous quantity of three-rowed stars instead of the goats. Finally one of the most interesting rock-carved pictures of Vardenis has a similar topic: a large solar disc with a cross-like core, and four anthropomorphic figures standing on it with their arms widespread. The composition includes also a conventional feminine double-idol and pictographic two signs, one of which is a crescent and the other an ideographic symbol resembling the Armenian letter . The motive of double idols and of «sun inhabiting» men and women, which is specific to the early cultures of the East, happens in the prehistoric rock-pictures, as well as in the sepulchral ritual materials. The four anthropomorphic figures presented in a cross-like disposition on the bottom of Samarra's decorated chalcolithic earthenware (V millennium B. C.) afford a great interest. They are not only «sun-inhabitants», but also anthropomorphic suns with spread arms and wide opened 3 fingers, and wavy long hair. Similar pictures are met also in pre-dynastic Susa. There are also many figures of «sun inhabiting» men or spirits in the Bronze-age rock-paintings of Europe, and particularly in the ornamental motives of the late bronze age sepulchral earthenware of a part of historical Armenia (the actual Azerbaijan).

The latter are distributed concentrically

around the openings of earthenware vessels and on their walls, beneath the meandered radial sun, next to the swastikas and celestial goats, and represent spirits of the ancestral hunters or gods, as well as feminine, solar, point-filled figures with up-stretched arms and wide-opened three fingers also have their parallels of the shining, starry sky-belt and anthropomorphic stylized figures in the rock-carvings and on the early sepulchral monuments of Portugal, Spain and a number of European countries, a fact that indicates the diffusion of the concepts about the sky into the worship of sepulchres. The pictures of animals, the celestial symbols, the human spread-armed figures (Nakhichevan, Shamiram, etc.) carved on a number of pre-historic sepulchres, or the little feminine idols placed in them, bear evidence that the cult of the ancestors and of the dead was closely connected with celestial concepts, and that the sky and the beyond the grave world were understood as forming a unity, as two equal elements of the universe. In this connection Armenian popular beliefs and worships, which refer to the ancestors and the dead, as well as to the interrelations of the soul and the body, are extremely interesting. The analogous materials, investigated by M. Abegyan at the end of the XIX century, in spite of their Christian touch, have retained traces of the pre-historic way of thinking, which help us to understand the essence and the meaning of the rock-carved pictures. According to Abegyan Armenians believed that the human souls were identified with constellations, were thought of as related with the stars. Not only the soul, but also the body and the bodily strength, is related with the stars: «When a hero is in trouble», writes Abegyan, «this star grows dim, when he fights with someone, then his star fights with that of his foe in the sky». The Armenians believed that the worshipped ancestors and their stars were aids, protecting spirits, holy beings, and for that reason they were swearing by them as by their father's grave and were turning to the stars for help. Even the Middle-age living mestrels turns to the stars,

begging for consolation. The Armenian conceptions (studied by the same Abegyan) that *immaculate people are living on the stars in heaven, that the soul is light itself brilliance, that it has the shape of a shining sphere within the living man, that the souls of ancestors appear in the shape of human spectres, etc. etc.*, are also very interesting from the point of view of the interpretation of prehistoric rock-carved pictures. The similar conceptions of the contemporary primitives appear with more unmingled and immediate forms, though they do not essentially differ from the above mentioned. According to their belief, the ancestors have become constellations, they live on the stars and the suns, they collaborate with and influence the living races and their members through their astral existence.

The Chuckchees living in the northern part of the USSR often use to say about the dead, that they went to heaven and were turned into stars; they show the star-embellished sky and say: that is a people who was very numerous in the past, whereas now scarce. All these conceptions probably have not gone very far from the way of thinking of the neolithic Azilian races, which kept in the caverns cobble-stones decorated with astral or anthropomorphic conventional figures and believed that they are keeping and preserving the strength and the ability of their ancestors. Even to-day, the savages of Tasmania prepare wood-made tchurings resembling the Azilian, decorated, spheric pebbles. They carefully keep the tchurings in the caverns, believing that they bear the souls of the dead. When the Tasmanian is asked about the meaning of the tchurings, he answers that they are their far ancestors. The Arunta races of Central Australia also have holy tchuring caverns enclosing the souls of all the male and female ancestors. They believe that the tchuring is the embodiment of the dead, the soul and the features of which have passed into their present owner and tutor. The above-mentioned materials of the Gueghamian mountains, of Vardenis and Aragats, the data offered by

the Armenian philology and general ethnography, seem to confirm the fact that in the most noticeable areas of pre-historic sanctuaries the carved images of anthropomorphic figures and star decorated belts were drawn for worshipping the souls of the ancestors and of the dead. This is observed in connection with the rock-carved images discovered all over the world, and is common for the prehistoric beliefs and religions in general.

• • •
When speaking about the essence and the meaning of the Armenian rock-carved pictures, we should not forget a most important fact, which has often been mentioned above. That is, the presence of symbolized pictograms in different groups of engravings, which are worth being deeply studied.

These pictograms are widely spread among the pre-historic monuments of Armenia and Georgia, upon fragments of rocks, earthenware vessels, the walls of the Dmanikian sepulchral vast halls and upon various other objects and artifacts. They are also widespread among numerous ancient rock-images of Asia and Europe and the monuments of contemporary Australian art. Their extensive use in the rock-carved pictures, on the walls of sepulchres and on ritual earthenware allows to believe that pictographic writing existed in pre-historic Armenia probably since the V—IV millennia B. C., which might have served for magical purposes and became a basis for the so-called Mehenian writings.

• • •
How interesting the Gueghamian rock-carved pictures may be, they can not be reliable sources for historical investigation without scientific chronology and classification. Unfortunately, being deprived of immediate and absolute chronological sources, we are obliged to refer to the inherent possibilities of the rock-carved pictures: their formal, stylistical and topical peculiarities, as well as to the comparative method of historical analogues, through which it is possible to form an ap-

proximate, but, as yet, only general idea about the origin and perpetuation of monuments, which are interesting for us. The enormous quantity of the Gueghamian rock-carved pictures, the double and triple superposition of the images, their stylistic and technical peculiarities indicate that they encompass a very long period of time, and that having begun from the aeneolithic they persisted till the iron age.

The diversified composition of the rock-carved pictures, including representatives of the quaternary fauna and their contemporary domesticated species, the great number and numerous species of dogs, the pictures related with the domestication of animals seem to establish the late neolithic-aeneolithic stage of culture of the pre-historic races in Armenia. That was the epoch when new economic formations were created owing to an organized collective influence and on the basis of an opulent animal and plant kingdom, and favourable natural conditions. According to the data presented by the palaeozoologist S. K. Mezhlumyan, the skeletal remains of wild animals depicted in the rock-carved images—bulls, cows, goats, etc.—occur in the early agricultural-animal-raising settlements of the V—III millennia B. C. Once animals were domesticated and raised, the need of hunting their wild predecessors, was gradually restricted: the relatively scarce rock-carved pictures of bisons, wild bulls, giant deers were giving place to hunting scenes displaying smaller animals.

We may conclude from all this that the oldest group of the Gueghamian rock-images chronologically precedes the development of animal-raising in the IV millennium B. C. and in a certain measure proceeds in parallel with it, but not later than the III mil. B. C. The Hither and Central Asian, as well as the caucasian analogues of the early group of the Gueghamian hunting pictures relate almost to the same period. Among them are well dated the sanctuaries of the VI millennium B. C. discovered in the III, VII, VIIa layers of the Chatal-Huyuk settlement (the Ionia field),

which are quite akin the engravings of the Gueghamian mountains by a number of their wall-paintings. There are many neolithic-bronze Age rock-carved pictures in the southeastern regions of contemporary Turkey, in Armenian and Northern Mesopotamia (Adiaman, Demir-Kape), on the east-Mediterranean borders of the historical Assyria-Palestine, and on the Mediterranean littoral of Anatoly, which constitute, together with the pictures found in the Azerbaijani Kobstan and Central Asia, the closest chronological and typological parallels of our monuments. The types of solar and lightning anthropomorphic divinities depicted on the rock-images of the Gueghamian mountains and widespread all over the eastern countries, are quite characteristic of the decorated earthenware of Samarra, Susa, Yanic-Tepé dating from the V—IV millennia B. C. The similar figures carved under gigantic bulls and numerous other pictures in the Azerbaijani Kobstan, show the remoteness of these found in neighbouring Armenia.

The comparison of the ritual, decorated motives of the black-burnished beautiful earthenware of the III millennium B. C. with the engravings of the Gueghamian mountains permits to relate a considerable number of them to the early Bronze age. In this period the black-burnished earthenware of the Armenian Highlands spreads from the Iranian to the Soviet Azerbaijan and to contemporary southern Georgia, unto Kharberd, Malatia and the agricultural oasis of Van till the borders of Assyria-Palestine, Syria and the Northern Caucasus.

The pictures of animals and birds engraved on that earthenware are often met with in the Gueghamian mountains. Absolutely identical symbols, pictograms, geometrical figures, common for the whole prehistoric of that area, equally occur on the earthenware and in the rock-carved images. A certain number of the Gueghamian rock-images, and particularly some of the water-birds and bulls figured with streams of water ejecting from the mouth, may be related to the II millennium

B. C. for their similarities with the painted earthenware and stonemade dragons of that period. All the above mentioned materials allow to conclude that the group of the early Gueghamian rock-carved pictures may be related to the V—III millennia B. C., with the overwhelming prevalence of early Bronze-age engravings (III mil. B. C.).

The chronology of this group of rock-images, the motives of their hunting-animal keeping mentality, as well as the data obtained from the study of analogous materials and contemporary settlements, lead us to re-examine in the whole the opinions concerning the late formation of the half-nomadic form of animal-keeping, and therefore, the general periodization of Armenian culture, in the purpose of adjusting them to the chronological systems of the Hither Asian early animal-breeding and land-tilling cultures. However, the animal-breeding-land-tilling culture which had begun forever to develop in an early historical period, was progressing all the Armenian Bronze-age; the Gueghamian alpine pastures continued to fulfill their important economic function, and our ancestors did not leave their mountainous sanctuaries. For that reason the number of rock-carved, ritual, ceremonial pictures was gradually increasing during the early, middle and late iron ages. The essence and the significance of the images remain the same, though their forms, styles and compositional particularities bear definite changes. Now the caucasian noble reindeers and musions are depicted (fig. 31, 88) just as the bronze statuettes of Lchashen and Tolors dating from the XIII—X centuries B. C. and the lineated images (of animals) found on the earthenware of Artic. Very often they prefer the entirely filled contours of dynamism-lacking images. The anthropomorphic dynamic figures of the early period with round big heads, straight-lined, powerful and disproportionate extremes are replaced by the images of entirely dressed, mask-bearing hunters (fig. 169) which correspond to those found on the bronze-made belts of Armenian and of the Caucasus dating from the XII—

VIII cent. B. C. Even the arrow-heads of the hunters (fig. 175) correspond to the types occurring in great number in the sepulchral artifacts of the XI—X cent. B. C. Fantastic animals (fig. 133—135) are often represented in the rock-carved pictures of the II—I millennia B. C., which almost entirely duplicate the images of the bronze-made belt of Kola-kend dating from the VII cent. B. C.

In this late period of rock-carving are reproduced images of solar and elemental divinities or of spirits, which correspond, by their stylistic peculiarities, to the samples of the white incrusted, finely decorated earthenware of Khanear and Kilik-Dagh dating from the I millennium, as well as to the anthropomorphic pictures of the Bronze-made belt of Stepanavan dating from the same period. bronze statuettes resembling the divinities depicted in the rock-carved pictures of the late-Bronze, early-iron age and of the ancient periods are prepared in the inhabited sanctuaries, for worship. Similar pictures are also largely widespread in Spain, Portugal, the Scandinavian countries, Siberia and numerous other places.

By their neolithic-bronze age chronological scope and from a stand-point the Andalusian engravings in southern Spain refer most of all to the Gueghamian rock-carved pictures; we can meet in them not only analogical figures of the solar and elemental divinities, but also compositions offered to the cult of the ancestors (table 253), which simply duplicate the picture groups of Vardenis, Aragats and the Gueghamian mountains (fig. 145, 291). Henry Breuil, an authority on prehistoric art, connects these pictures with those found on the earthenware in the same areas, and by a number of arguments shows that they pertain to the metals epoch. In such an analogy we must have in mind that the Armenian rock-carved pictures precede the Andalusian from the stand-point of absolute chronology, since the European neolithic age begins, in the opinion of the specialists, only in the III mil. when

Armenia had entered already into the highest stage of development of the early bronze-age.

The images of horse-riding hunters undoubtedly pertain to the ritual monuments of the late period of the Gueghamian mountains, which are commonly met with in the motives of Armenian and Caucasian Bronze-made belts (Stepanavan, Treghk, Ty, etc.). The riders figuring on the belt of Stepanavan closely resemble the Gueghamian rock-carved picture by the similarity of horses, the position of the men standing on them, the geometrical style of the figures and other details. This belt also pertains to the period of the widespread depiction of horses in Armenia, i. e. to the end of the II mil. and the beginning of the I mil. B. C. Such a chronological determination is confirmed by the chronology of the analogous pictures of the Caucasus, of Asia and of Europe, the majority of which does not go further than the beginning of the I millennium B. C. That concerns Kobstan, Temir-Kape and especially Daghestan. The European monuments of that type, which are found in Spain, Italy, the Carpathian and Scandinavian countries and elsewhere, do not pertain to an earlier period. It is interesting to note, for instance, that the rock-carved pictures of Camonica, in the Italian and Swiss Alps, are related to the IV—III cent. B. C., the Daghestanian pictures—to the same or later period, while all of them resemble with all their details the above mentioned monument of the Gueghamian mountains. Here we must also take into consideration the pictures of the riding hunters found on the earthenware vessels of the prehistoric sanctuary of Dvin and encountered, as we saw above, together with the bas-relief figures of solar and elemental divinities, which bear the style of the rock-carved pictures. These ritual-ceremonial vessels have been discovered in a big sanctuary of a local sun-worshipping community, where have also been found the altars and other ritual objects. This remarkable prehistoric monument was lying in a quite deep layer between two levels pertaining to the early Bronze age and the Middle ages. Daggers,

swords, objects of art, and other artifacts made for offerings and sacrifices, and corresponding to the artifacts discovered in the Gharabaghian large burial mounds of the X—IX centuries B. C., have also been found in the same layer. The earthenware of the sanctuary of Dvin has also its parallels (as to its main types, technical peculiarities and morphological characteristics) in the layers of the pre-Urartian settlement of Karmir-bloor, which immediately precede the Urartian constructions.

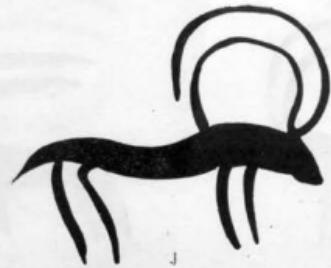
We may add that certain pictures of the late group of the Gueghamian petroglyphs are remarkable for their compositional structure and their styles, similar to those of the late bronze-age belts.

Such are the Gueghamian images at first sight. Time and possibilities may afford to observe a great many aspects and details in them and to bring many factual and theoretical precisions.

TAFAMILI

TABLES

1

2

4

3

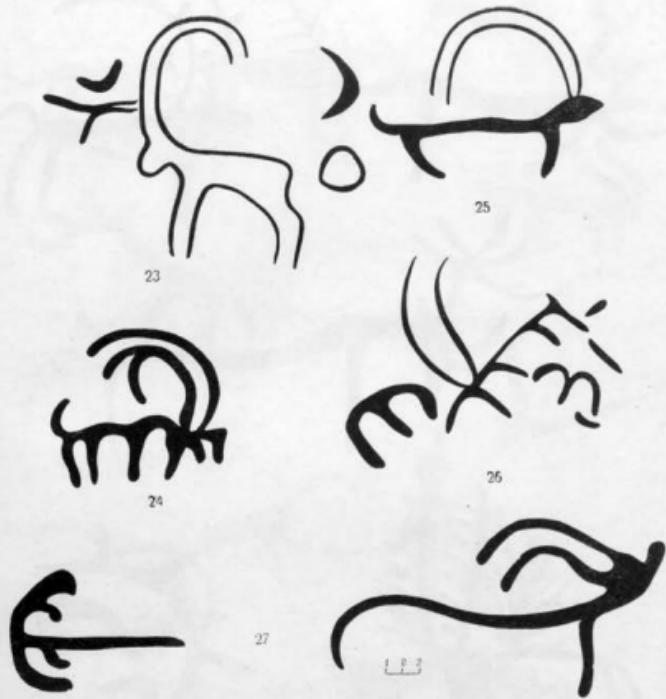
1 0 2

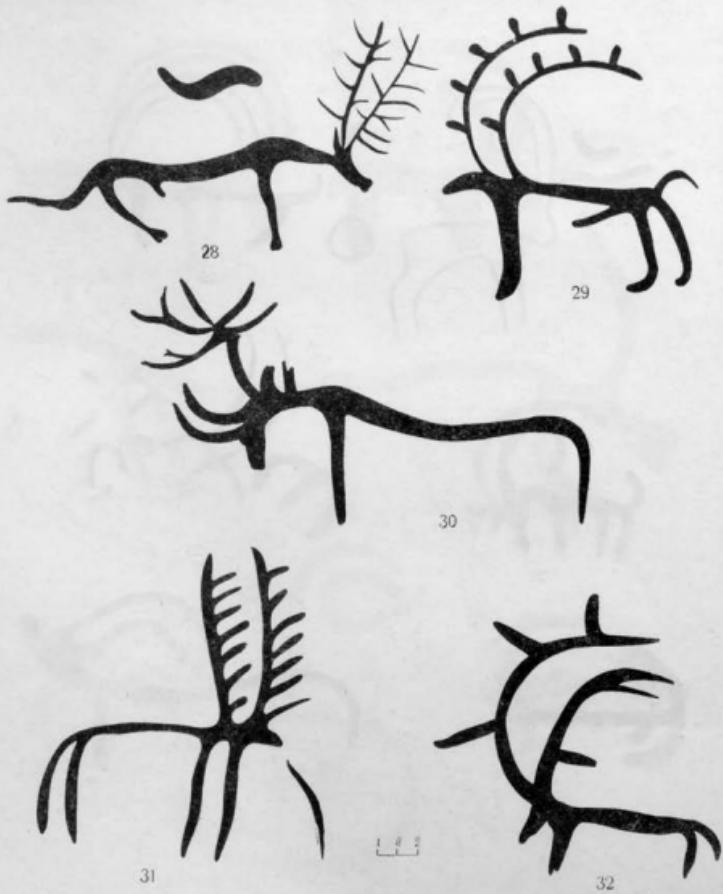

1 2 3

1 2 3

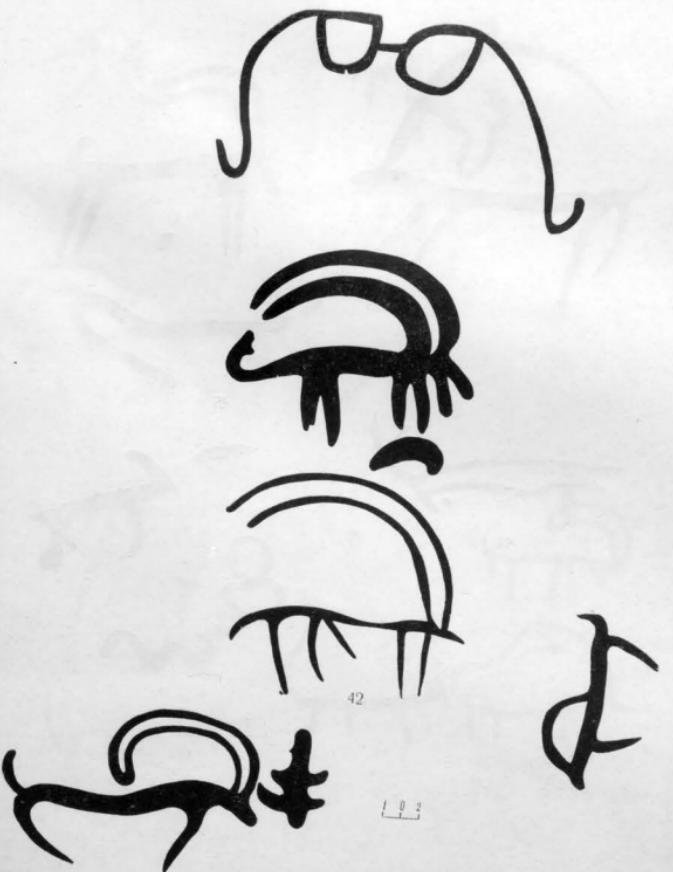

41

1 0 2

1 0 2

43

44

45

46

47

1 0 2
1 0 3

48

1 0 2
1 0 3

49

50

52

54

53

55

56

57

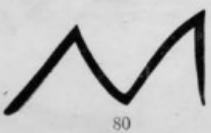

58

1 0 2

1 0 2

1 0 2

1 0 2

86

87

88

99

1 2

98

100

101

102

103

104

105

1 0 3

106

107

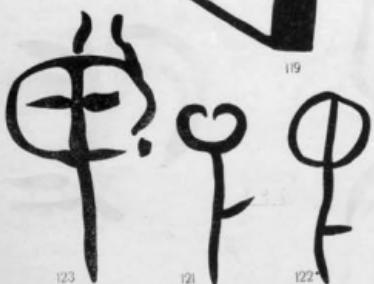

1 0 2

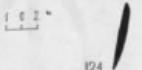
120

1 0 2

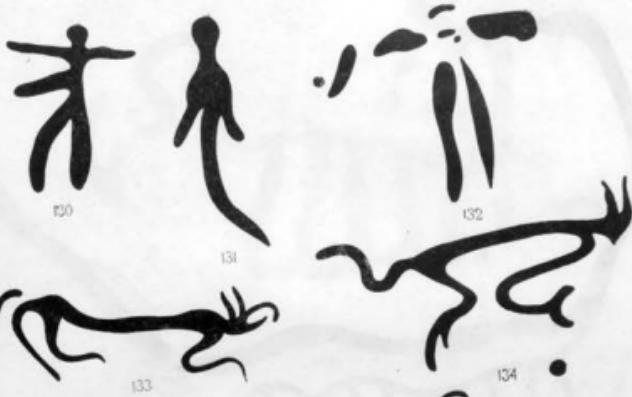

124

124

124

136

137

140

141

142

143

144

146

147

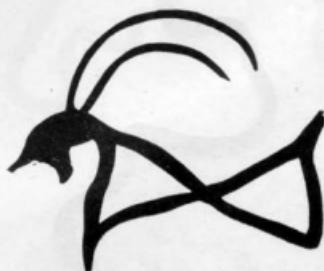

148

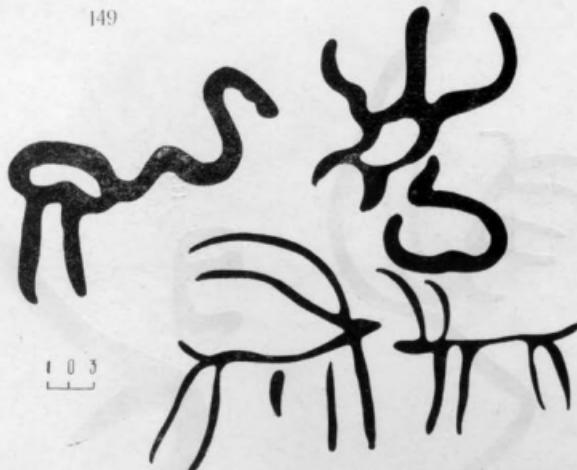

149

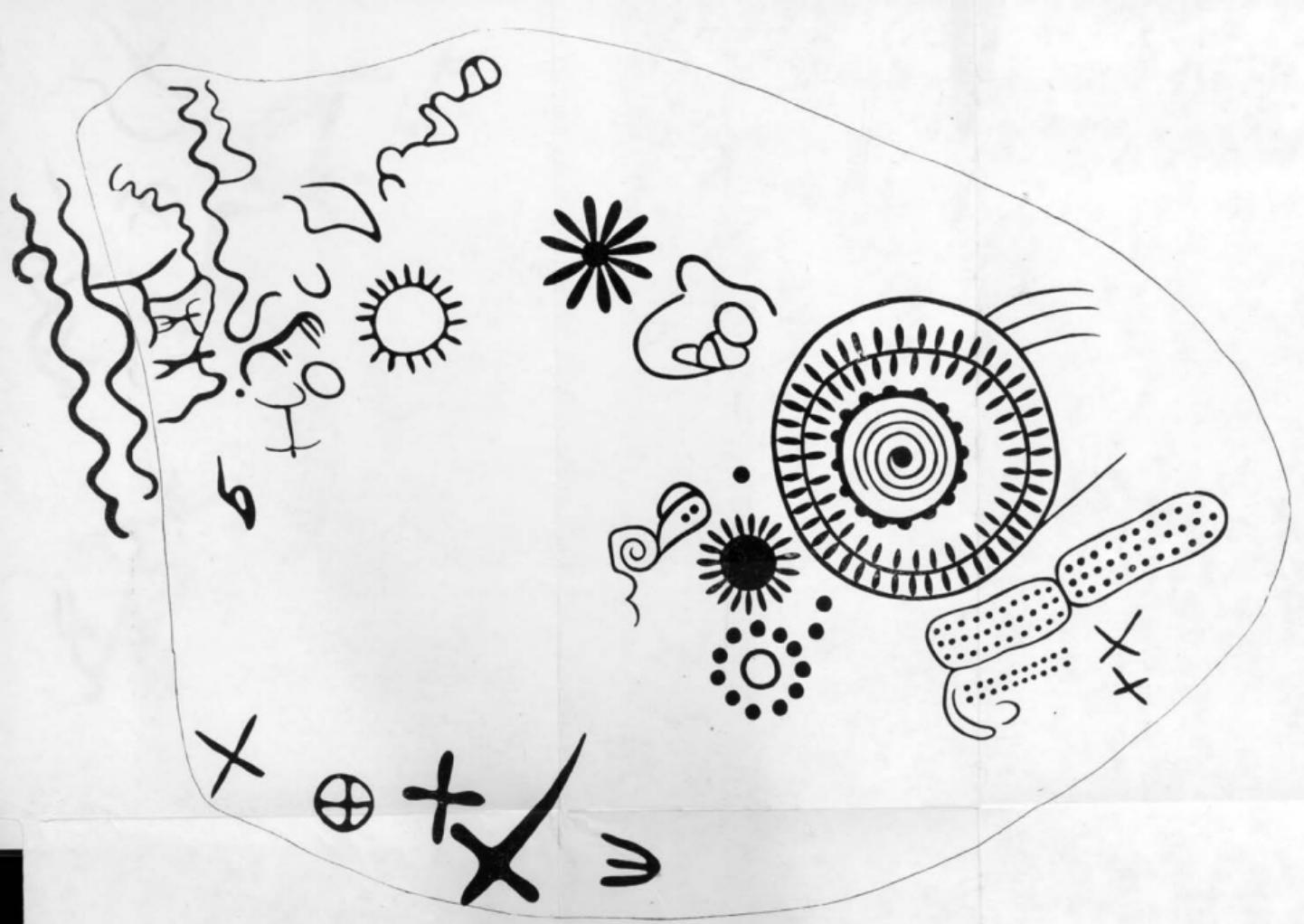
1 0 2

150

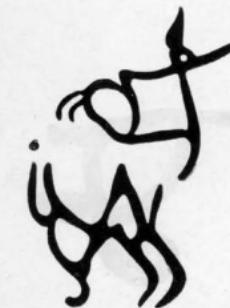
151

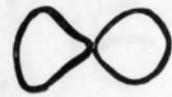
154

152

153

153

152

1 0 5

155

156

157

1 0 6

158

159

160

161

162

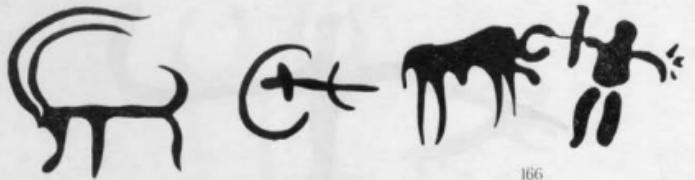

163

164

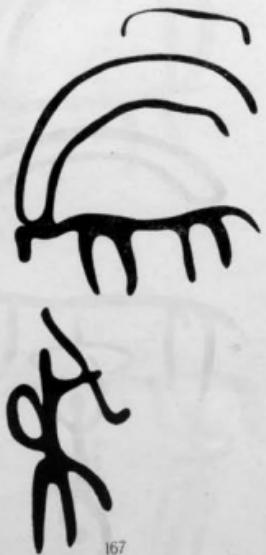
166

165

168

167

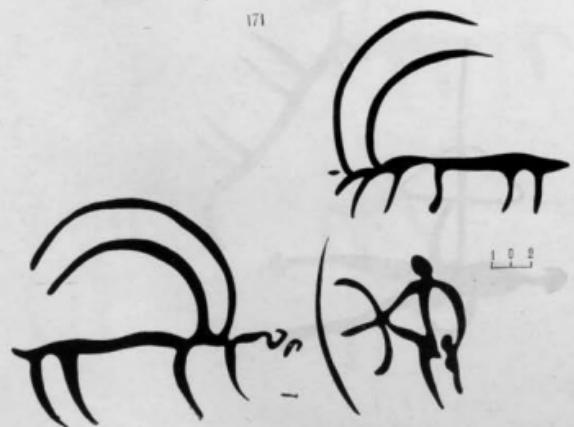

169

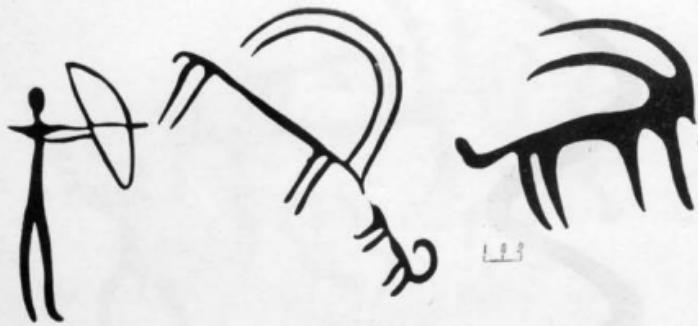
170

171

172

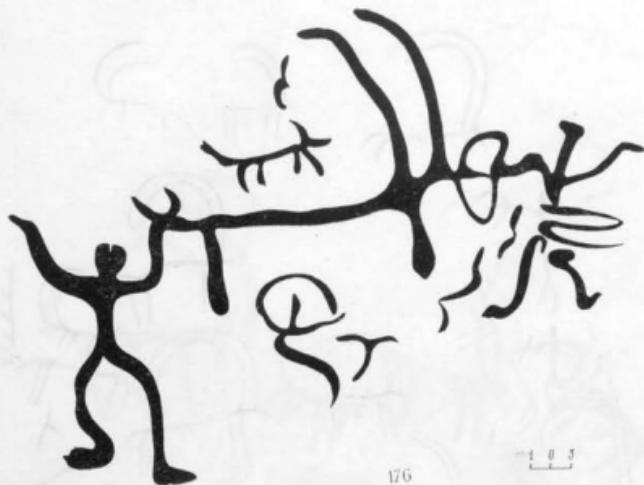
173

174

175

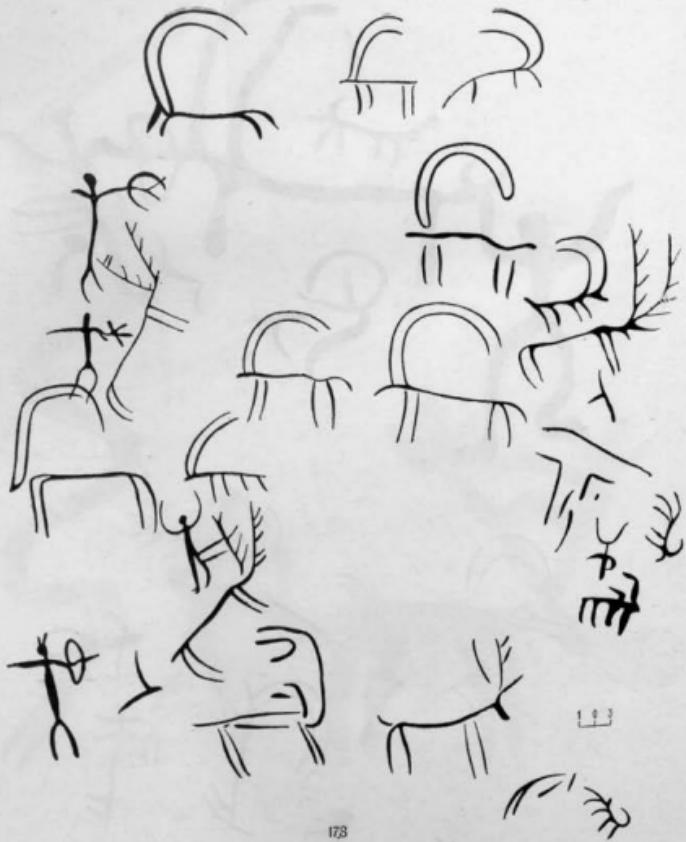
176

1 0 3

177

1 0 4

178

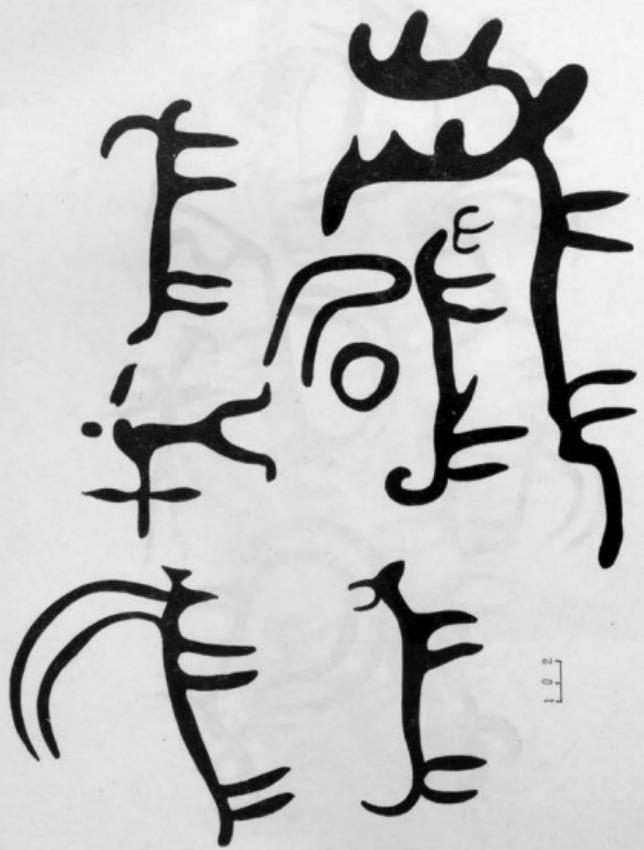
179

180

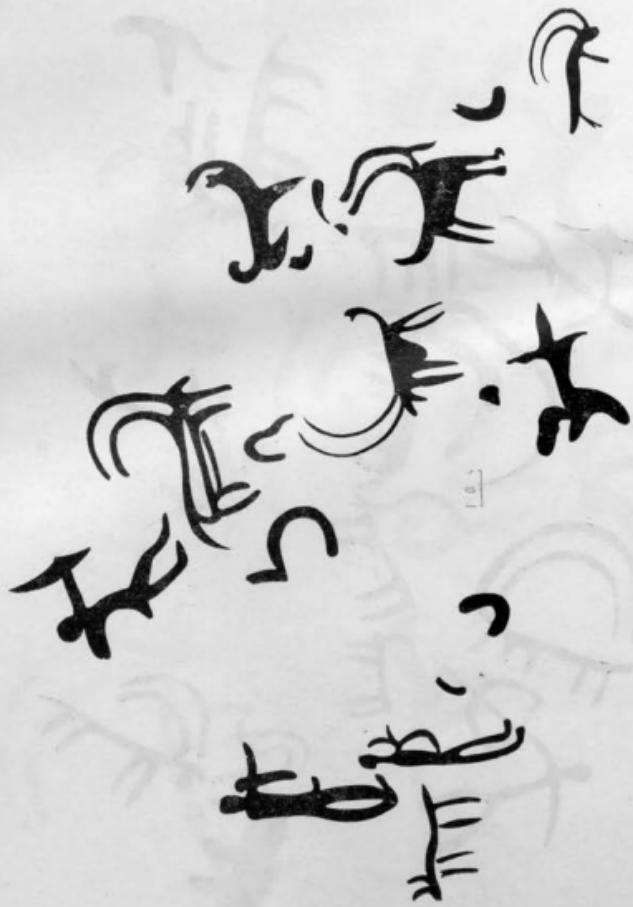
181

182

183

184

185

187

188

190

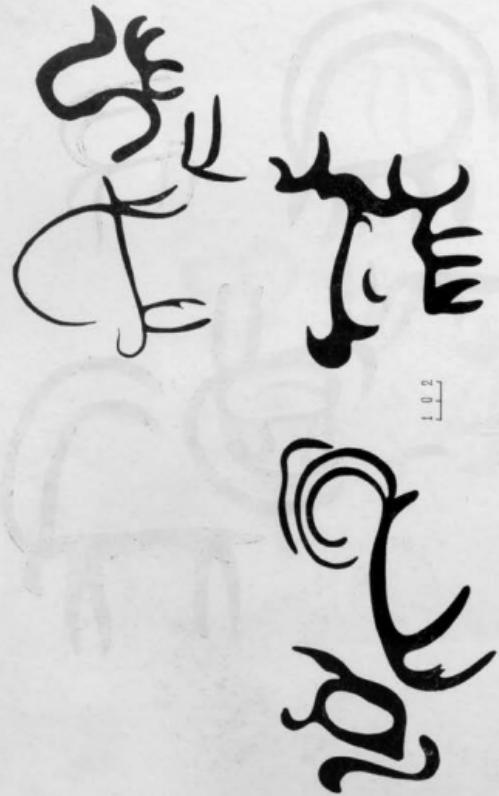
191

192

193

194

195

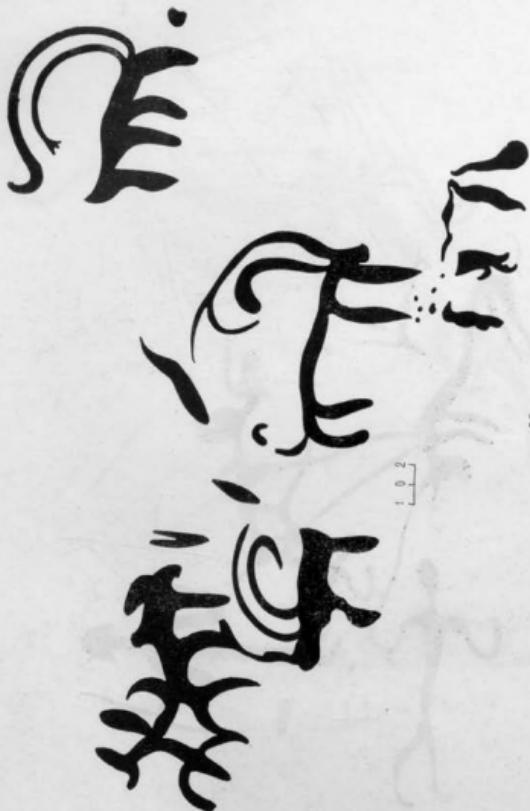
1 0 3

196

1 0 4

197

38

39

200

201

202

203

204

205

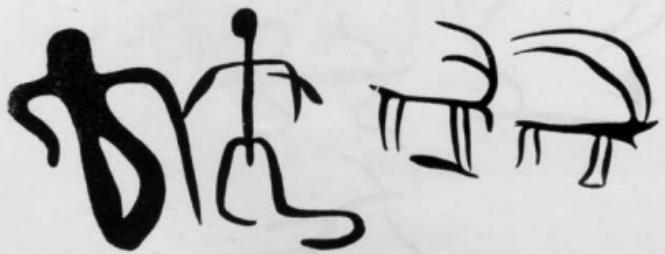

206

207

1 8 3

208

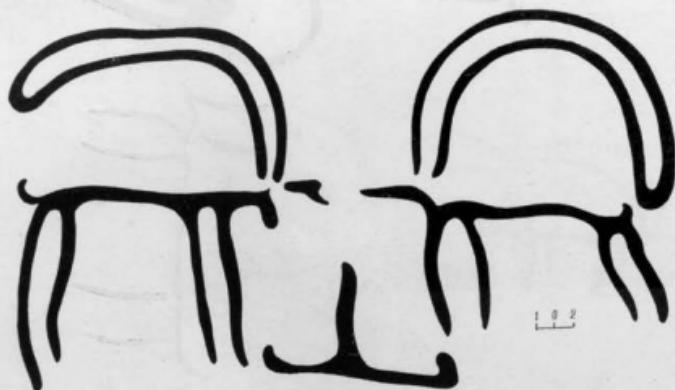
2
0
9

209

210

211

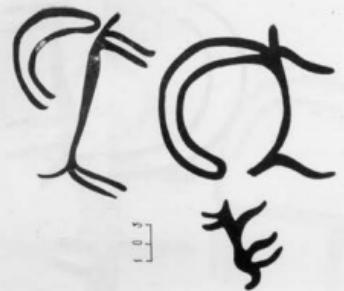
212

213

214

215

216

217

218

219

220

222

223

224

225

226

228

229

230

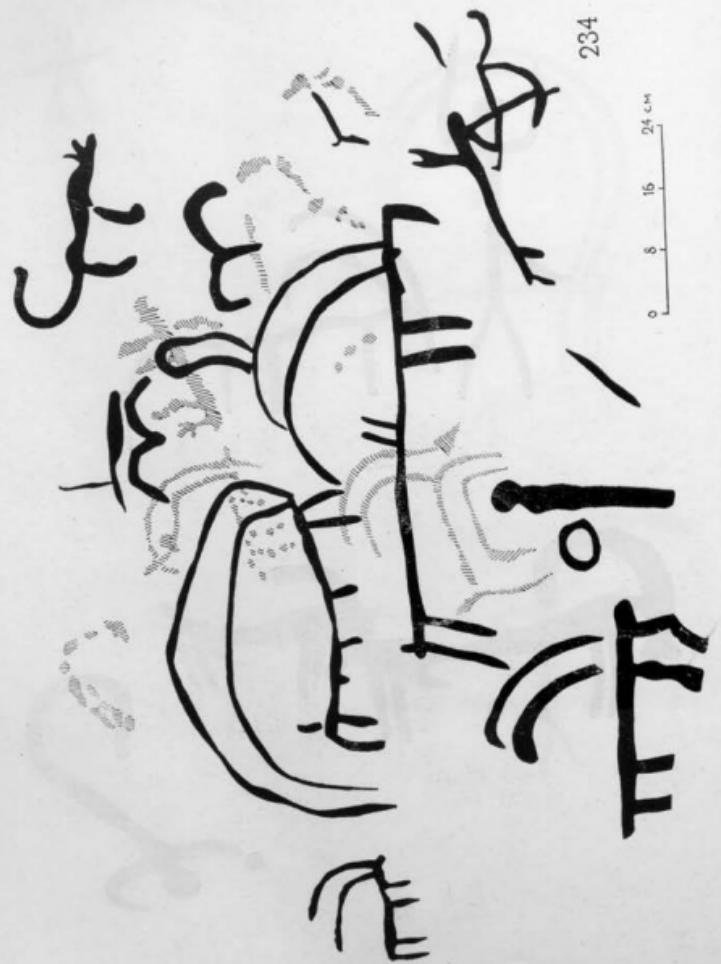
231

232

233

234

0 8 16 24 cm

235

0 25

236

0 2

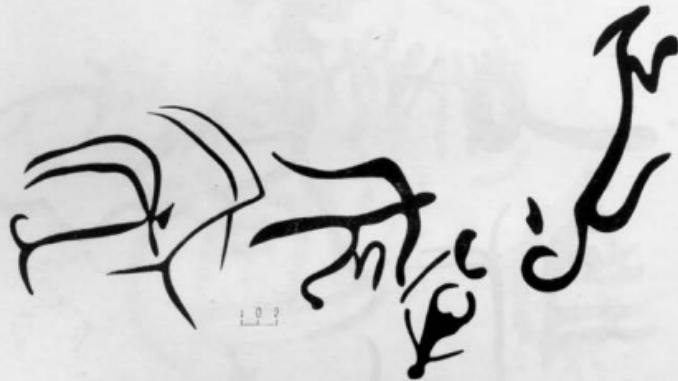
238

239

1 0.15

240

241

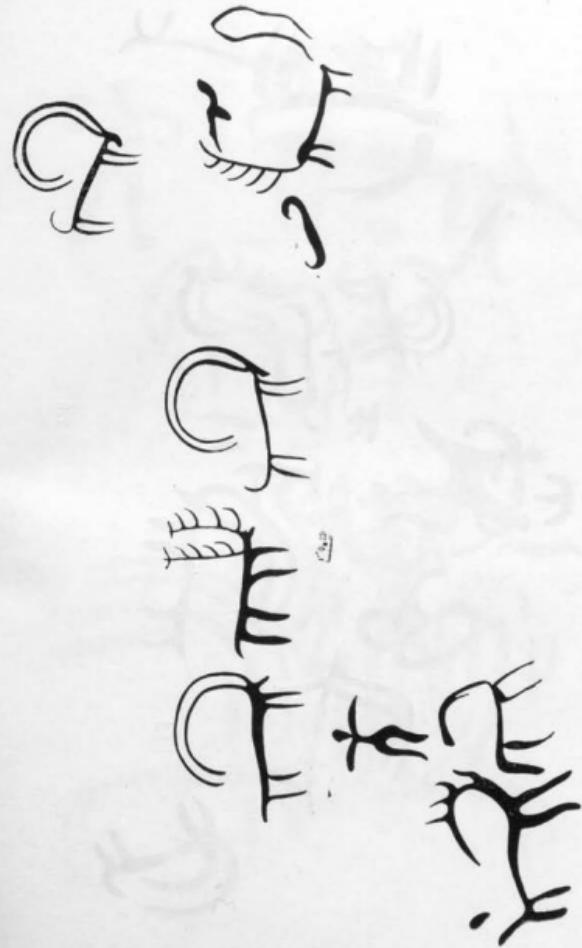
242

248

249

250

251

252

253

1 0 3

254

1 0 2

1 0 25

255

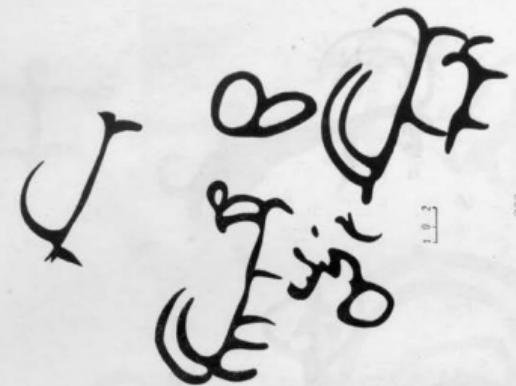
256

1 0 3

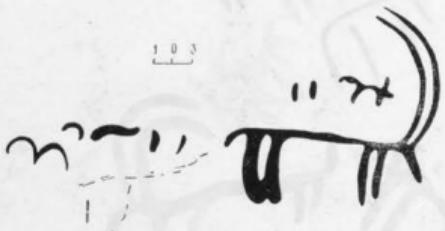

257

1 0 3

260

268

269

270

271

272

273

1 0 3

274

1 0 2

275

276

1 0 25

279

280

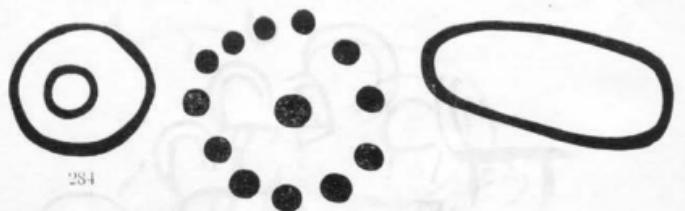
281

282

283

1 0 2

288

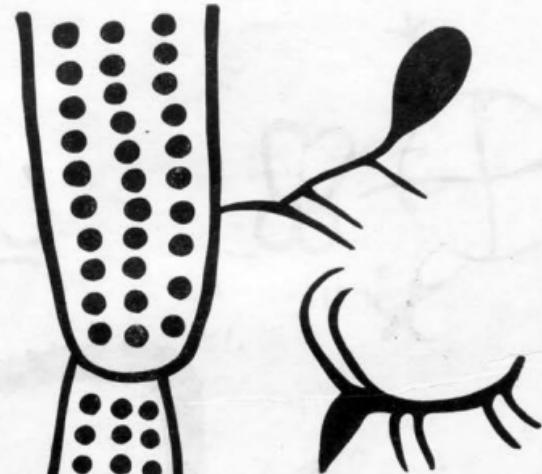
289

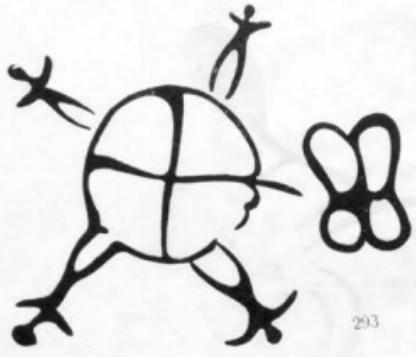
290

291

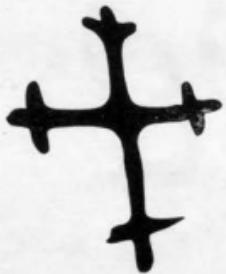

292

293

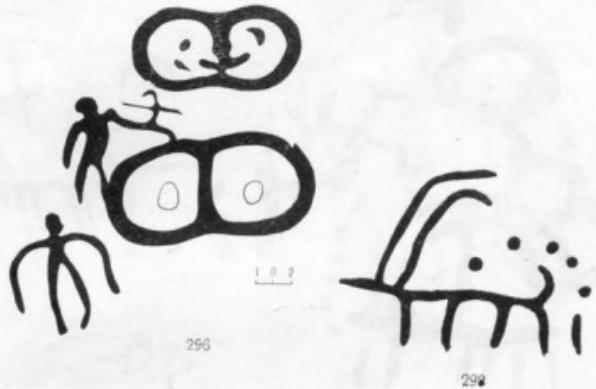
1 0 3

294

295

296

1 0 2

298

297

1 0 15
1 cm scale

299

301

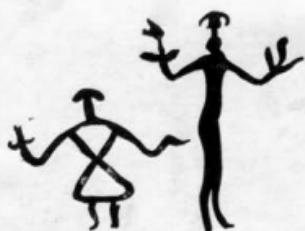
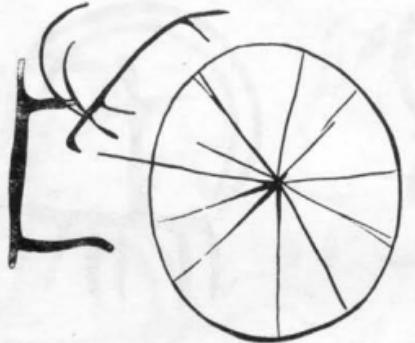
302

300

303

1 0 2

1.0 3

310

1.0 25

311

313

1.0 2

312

314

315

316

193

8.0.4

320

321

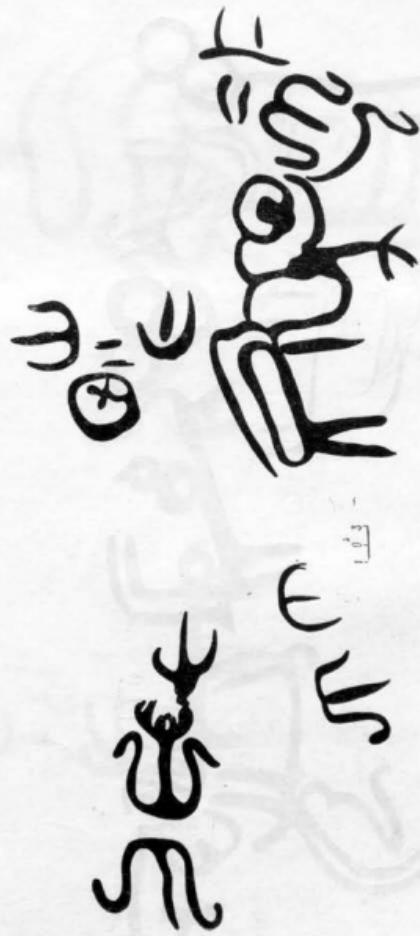
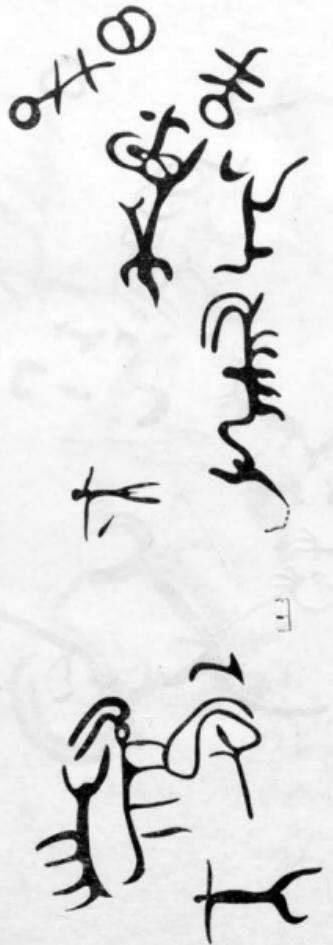
322

323

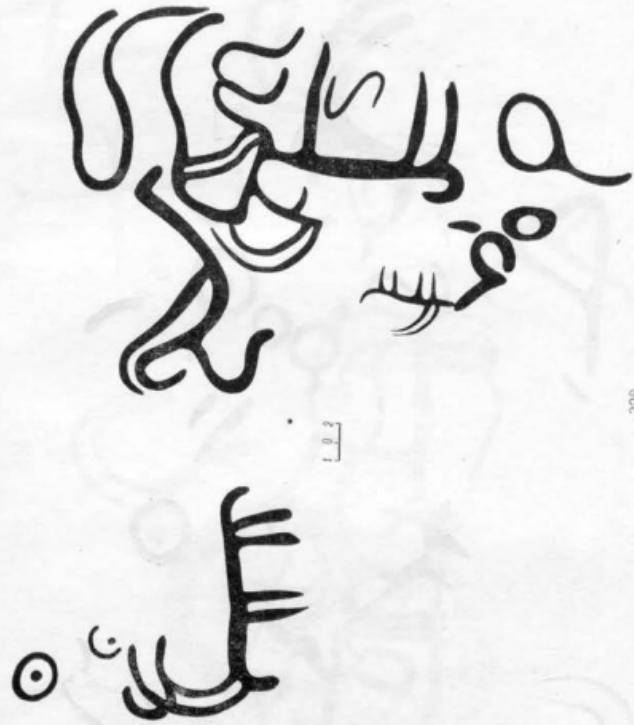

324

227

328

ԲՈՎԱԳԻԱ ՈՒԽԱԲՐՅԱՆԻ

Աշխարհ լոների ժամանակակիցներ	5
Հասկանական պատճեններ	30
The rock-carved pictures of the Geghamian mountains	54
Բայուսական ժամանակակիցներ	67
Տաճանչներ	67
Տաճանչներ	67
Tables	67

**Հ. Ա. ՄԱՐՏԻՐՈՍՅԱՆ, Հ. Ռ. ԽՈՐԵՎԱՆՅԱ
Ա. Ա. ՄԱՐՏԻՐՈՍՅԱՆ, Ա. Բ. ԽԾԱԲԵԼՅԱՆ**

ԳԵՂԱՄԱՆ ԼԵԽՆԵՐԻ ԺԱՅԱԿՊԱՏԿԱՐԵՐԵՐ

Տարգավառ է Հայաստան ՍԱՀ ԳԱԱ
Հնագիտական և պատմաբանական
հիմքած լուսաբանությունը
Գիտական լուսաբանությունը

Հայաստանի նախագահին՝ Ա. Ռ. Քաջազնակ, Թ. Ա. Չափրակ, Թ. Ա. Շափրեն
Նկազատ նախարար՝ Ա. Հ. Խանջանյան
Տնօրինություն նախարար՝ Մ. Ա. Կազմակնելյան
Արդարադատություն նախարար՝ Ա. Ա. Ղափաման

Կ. Ա. 03519 Խ. Ա. 1245, Հրան. 3254, Պատճեն 487, Տարբան 1000
Հայաստան է պատրաստված 17/V 1970 թ. Խորագության է տարբանը թույ 1971 թ.
Տարբանը 12,75 տարու 1 տարի, մասն. 21,54 տարու, պարփակ 23,5 տարու,
Քառակայություն 4,2 Ա. Ա. Արքանաման, Ա. Ա. Ղափաման
Քառակայություն 2 Ա.

Հայաստան ՍԱՀ պատրաստած աշխարհական պատճենահանուրան է հայրածնի տարբան

Բաղադրման և վրեպահման

Էջ	Տաղ	Տպացրման է	Գնաց է հարցաւ
11	Ճակատական պատճեն	Ճակատական պատճեն	Ճակատական պատճեն
12	աղջուկան 12 կ.	աղջուկան 12 կ.	աղջուկան 12 կ.
13	Ճակատական պատճեն	Ճակատական պատճեն	Ճակատական պատճեն
14	Ճակատական պատճեն	Ճակատական պատճեն	Ճակատական պատճեն
15	Ճակատական պատճեն	Ճակատական պատճեն	Ճակատական պատճեն
16	աղջուկան 23—25 կ.	աղջուկան 23—25 կ.	աղջուկան 23—25 կ.
17	աղջուկան 12 կ.	աղջուկան 12 կ.	աղջուկան 12 կ.
18	Ճակատական պատճեն	Ճակատական պատճեն	Ճակատական պատճեն
19	Ճակատական պատճեն	Ճակատական պատճեն	Ճակատական պատճեն
20	Ճակատական պատճեն	Ճակատական պատճեն	Ճակատական պատճեն
21	Ճակատական պատճեն	Ճակատական պատճեն	Ճակատական պատճեն
22	աղջուկան 14 կ.	աղջուկան 14 կ.	աղջուկան 14 կ.
23	աղջուկան 14 կ.	աղջուկան 14 կ.	աղջուկան 14 կ.
24	Ճակատական պատճեն	Ճակատական պատճեն	Ճակատական պատճեն
25	աղջուկան 1 կ.	աղջուկան 1 կ.	աղջուկան 1 կ.
26	աղջուկան 3 կ.	աղջուկան 3 կ.	Օձուած
27	Ճակատական պատճեն	Ճակատական պատճեն	Ճակատական պատճեն
28	աղջուկան 7 կ.	աղջուկան 7 կ.	աղջուկան 7 կ.
29	Ճակատական պատճեն	Ճակատական պատճեն	Ճակատական պատճեն
30	աղջուկան 13 կ.	աղջուկան 13 կ.	աղջուկան 13 կ.
31	Ճակատական պատճեն	Ճակատական պատճեն	Ճակատական պատճեն
32	աղջուկան 6 կ.	աղջուկան 6 կ.	աղջուկան 6 կ.
33	Ճակատական պատճեն	Ճակատական պատճեն	Ճակատական պատճեն
34	աղջուկան 2 կ.	աղջուկան 2 կ.	աղջուկան 2 կ.

